

МЕРТВЫЙ ОСЕЛЬ
И
ОБЕЗГЛАВЛЕННАЯ ЖЕНЩИНА.

ЧАСТЬ 1

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1831.

Мертвый Дель

И

ОБЕЗГЛАВЛЕНАЯ ЖЕНЩИНА.

МОСКВА в лит. Ланорота.

1831.

МЕРТВЫЙ ОСЕЛЬ
И
ОБЕЗГЛАВЛЕНАЯ ЖЕНЩИНА.

— *Hou pou, you secret, black and midnight
hags? what is' t you do?*

— *A deed withoul name.*

(МАСВЕТК.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по оппечашаніи пред-
спавлены были въ Ценсурный Коми-
шешъ шри экземпляра. Декабря 22го дня
1830 года.

*Ценсоръ, Заслуженный Профессоръ,
Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Левъ Цветаевъ.*

М О С К В А.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1 8 3 1.

МЕРТВЫЙ ОСЕЛЬ
и
ОБЕЗГЛАВЛЕНАЯ ЖЕНЩИНА.

Г л а в а 1.

Т р а в л я.

Des chiens dévorans.

Racine.

Не о Сперновомъ ослѣ
хочу говорить я; было
время, и сладкія слезы ли-
лись на описаніе его смер-
щи, и надгробное ему сло-
во. . . Я по же пишу испо-
рію осла — но будъше по-
койны; я не спану придер-
живаешься *чувствительнаго*
путешествія. . . по мно-

гимъ причинамъ. Неговоря о томъ, что эта пошлая напура, покажется шеперь, прищорною, что за неволя искусному писателю забавляшься надъ описаніемъ такихъ предметовъ, которые навѣрное покажутся смѣшными и скучными? Нѣтъ, намъ нужна напура ужасная, мрачная; и она не запруднитъ писателя, и она возбудишь общій воспоргъ! . И шакъ — смѣлѣ! поненькое Бордоское вино для насъ слишкомъ слабо; выпьемъ лучше, большой спаканъ водки. . . И ша, не очень крѣпка для насъ. . . . Мы можемъ глошашъ винный спиртъ; скоро дойдемъ про-

спо до эфира. . . Но крайности да приведушь насъ къ опиуму.

Впрочемъ, что значишь кубокъ Родогунны, наполненный по самые края Ариспоспельскимъ ядомъ, въ сравненіи съ пошоками черной крови, спремишельно извивающейся по неску, а кругомъ цирка, вмѣсто факеловъ горящихъ Хриспіянъ, освѣщающихъ эши ночныя побоища? И между шѣмъ, израненый боець, успремля умирающія глаза на ясное небо Арголиды, вспрѣчаетъ вмѣсто его, жадные взоры Римской дѣвы, посылающей ему смершь. Тогда, герой эшого чудесна-

го праздника, усиливаешься дашь своему положенію сколько можно болѣе пріятности, выпускаешь самые гармоническіе вздохи, и еще разъ мечшаешь о рукоплесканіяхъ!

Увы! у насъ еще нѣтъ цирка подобнаго Римскому, но у насъ есть правля.

Жалкій, полуразвалившійся заборъ, полсшыя неуклюжіе вороша, а на дворѣ, множесшво шарыхъ и молодыхъ собакъ, съ кровавыми глазами; бѣлая нѣна, медленно шянешся съ ихъ черноватыхъ губъ. Между ими замѣшна была одна собака: большая, полсшая, обрюз-

гля, еще гордая, но старая, и
 беззубая. . . Взглянувъ на нее
 воображаемъ брата одного
 Султана, ошдѣленнаго отъ
 всего свѣта, или древняго
 Короля Франковъ съ обрешою
 головою. Спрашно сморѣшь
 на эту собаку, такъ спраш-
 но какъ на Баязеша въ клѣш-
 къ. . . Гордосшь и униженіе,
 безсиліе и бѣшенство, злосшь
 и подлосшь, . . . гошовность
 въ одно и то же время ли-
 зашь руки, и кусашъ. Въ
 углу на дворѣ, ошпапки дох-
 лой лошади, обглоданные че-
 репа, окровавленные часши
 заднихъ ногъ, внутренно-
 сти, куски печени для щен-
 ныхъ собакъ. Всѣ эти ошаш-

ки доспавляющся прямо изъ Шараншона : шамъ обыкновенно кончающъ свое поприще Парижскія лошади. Онѣ бредущъ шуда , привязанныя хвостами одна къ другой , худыя , жалкія , шарыя , слабыя , изнуренныя опъ рабошъ и побоевъ . . . Шаруха , сшоя въ дверяхъ своей хижины вспрѣчаешъ ихъ , и съ улыбкою , кошорая испугала бы самую смершь , счишаешъ свои жершвы . Ихъ сшавяшъ посреди двора , близъ шемнокрасной лужи , въ кошорую шекаешъ сгущившаяся кровь . . и начинаешся убійшво : человекъ съ засученными рукавами , вооруженный

ножемъ, поражаешь ихъ одну за другою : онѣ безмолвно падающъ, умирающъ, и когда все кончено, все разпродается : шкура , грива , копыша , черви для Королевскихъ фазановъ, и мясо для Акшеровъ дѣйствующихъ на шравлѣ.

Къ несчастію своему, я очутился близъ шравли, въ будничнѣй день, и вошелъ въ Амфишеапръ. Лай собакъ вызвалъ Дирекшора шеашра, и я увидѣлъ маленькаго чловѣчка, сухаго, блѣднаго, съ рыжими рѣдкими волосами на головѣ, ... Во всѣй особѣ его, выказывалась значительность ; поржешвенный повелительный голосъ, и въ

поже время, ясное подобо-
 страшіе на лицѣ, подгиба-
 ющіеся колѣна, не много на-
 клоненная хребтовая кость
 все означало въ немъ вѣр-
 ную и пріятную середину
 между Королевскимъ чинов-
 никомъ, и прислужницей оп-
 крывающей ложи. Однако онъ
 былъ очень учтивъ сомною. —
 „Всего я немогу вамъ пока-
 „зать сегодня, сказалъ онъ
 „мнѣ — мой бѣлый медвѣдь
 „не здоровъ, другой опды-
 „хаетъ; мы вдвоемъ несла-
 „димъ съ меделянскою соба-
 „кою; быка моего шеперь
 „числятъ. . . Развѣ не по-
 „почиваетъ ли васъ осломъ, ес-
 „ли вамъ угодно? — Хоро-

шо — давай осла, опвѣчалъ я, и вошелъ въ безмолвный шеапръ. . . . Я былъ одинъ какъ будшо въ казенномъ шеапръ. И шакъ, я сидѣлъ одинъ, и нѣкому было передать избышокъ моихъ ощущеній: хопь бы какой нибудь чеспный мясникъ былъ шупъ, чшобъ восклицаніями своими наэлекпризовашь меня. . Я находилса въ ашмосферѣ эгоизма, кошорую описать невозможно. Между шѣмъ вороша ошворились, и я увидѣлъ. . .

Жалкаго осла!

Онъ бывалъ гордъ и силенъ, шеперь унылъ, шзмученъ, и держалса шолько на шрехъ ногахъ. Лѣвая передняя

нога была переломлена наемной кабриолетом, и бѣдное живошное едва дощощилось до здѣшняго побоища. Увѣряю васъ, что на него было больно сморѣшь. Несчастнѣйшій осель упошреблялъ всѣ усилія, чшобъ держашься въ равновѣсіи: спушилъ, еще спушилъ, пошомъ переспановилъ сколько возможно было свою правую переднюю ногу, пошомъ опушилъ голову, гошовый на все. Въ шу минушу, спускающъ чешырехъ Англинскихъ мордашекъ, онѣ спремяшся къ нему, опспупающъ, и пошомъ бросающся на бѣдное живошное. Онѣ рвуть его въ клочья, впивающся

въ него своими оспрыми
зубами. . . Боець споишь
шихо и смирно — ибо при
малѣйшемъ движеніи онъ упа-
дешъ. Подобно Марку Аврелію
онъ хошьль умерешъ сшоя.
Уже кровь льешся изъ него,
слезы кашяпся изъ глазъ
сшрадальца, онъ дышешъ ско-
ро и шяжело, и я одинъ! На-
конецъ, онъ падешъ, и я
безумецъ, я испускаю прон-
зительный крикъ: я узналъ
сшараго знакомаго.

И шочно, шо былъ онъ!

У него шолько одного
былъ подъ шею шопъ чер-
ный рубецъ въ бѣломъ полѣ,
усѣянномъ сѣринькими пшп-
нышками. Бѣднякъ игралъ

очень важную роль въ жизни моей, . . . и все въ немъ слишкомъ для меня памяшно! И вошь онъ валяешся по землѣ, . . . шопъ самый, кошораго я ласкалъ нѣкогда своею рукою! И гдѣ ша, копорой онъ принадлежалъ? Волнуемый такими ощущеніями, я бросился на мѣсто правли, чшобъ убѣжать скорѣе: проходя мимо Шарло, я увидѣлъ, что онъ издыхаетъ въ ужаснѣйшихъ мученіяхъ, и при послѣднихъ шерзаніяхъ медлѣнной смерти, онъ легонько ударилъ меня своею больною ногою, . . . ударъ безобидный, похожій на нѣжный и сладчайшій упрекъ, на

последнее и печальное про-
ости друга, котораго вы оби-
дили, и который васъ про-
щаетъ.

Я задыхался, выходя изъ
споль бѣдспвеннаго мѣсша.

Шарло! Шарло! кричалъ
я — слы ли это? Ты? Умеръ?
Нѣкогда споль быспрый,
игривый? и невольно вспом-
нилъ я все упоительное сча-
стие, всѣ безмятежныя и
юныя радости, до которыхъ
я легонько досшигъ, сидя на
эпомъ бѣдномъ ослѣ! Съ шого
дня начинаешся гореспный
и меланхолической разсказъ
мой. Два героя мой, хошя и
весьма различны между со-
бою, но неразлучны въ книгѣ

моей! Одного звали, какъ эшо
уже вамъ извѣсно, Шар-
ло — другая называлась Ган-
риетою. Вопшь ихъ испорія.
Я не для васъ ее рассказы-
ваю, — я рассказываю ее
одному себѣ, — несчастнѣй-
шему изъ шрехъ, хошя я и
свободень еще, и споль же
невинень какъ шы, мой бѣд-
ный Шарло!

Г Л А В А 2.

Т а в е р н а.

*Toute jeune.
Mme Cotin.*

Воснь наступаетъ второе
 Мая, исполнишея ров-
 но два года тому, что я гу-
 ляль по дорогъ въ Ванвръ;
 упоенный счастиемъ жизни
 я вдыхаль въ себя чистый
 и пенный воздухъ; съ изум-
 леніемъ, какъ дитя разсма-
 приваль всякій цвѣшокъ, и по
 чешверпи часа, съ судейскою
 важностію, смопрѣль на въ-
 пренныя мѣльницы. Вдругъ,
 именно на самомъ поворотѣ съ

эшой дороги къ шавернѣ Добраго кролика, я увидѣлъ дѣвушку, кошорую мчалъ осель. . . О! восхищительное зрѣлище! я бы смопрѣлъ на него всю жизнь. Дѣвушка была довольно велика: она пылала, грудь ея шрепешала; въ испугѣ, она пошеряла свою соломенную шляпку, волосы ея развевались и она кричала громко: спой! Но проклятый осель не слушался, а я не мѣшалъ ему: мнѣ нравилась эта воздушная скачѣка, эта живая боязнь, окружающая ее опасность. Женщина во власпи случая, и случай въ моихъ рукахъ! Она кричала; никшо ее не слышалъ;

шуть былъ только я одинъ съ собакою. Пиль, Руспанъ! ска- залъ я ей. . . Осель оспанавли- ваешся на всемъ скаку, дѣвушка падаешъ съ него, мы вскрики- ваемъ вмѣстѣ, я беру ее на руки, а осель помчался черезъ поля.

Лишь только я поднялъ ее, и началъ разсмащивашъ, какъ собственность мнѣ при- надлежащую — она быстро отвернулась отъ меня и по- бѣжала за своимъ осломъ: Шарло! Шарло! собака моя бѣжитъ также съ лаемъ; Шарло лѣшитъ какъ спрѣла.

Я поднялъ прежде всего шляпку; шляпка просшая со- ломенная, полинявшая ленша, дрянной голубой цвѣточикъ,

и совсѣмъ шѣмъ, что то обли-
чало добродушіе и добросер-
дечіе дѣвушки; а дѣвушка,
была уже далеко!

— Шарло! Шарло! кри-
чала она.

Между шѣмъ Русшанъ не
ошсшаваль ошъ осла, и гналь
его прямо комнѣ. Между мною
и дѣвушкою, была кривая ли-
нія довольно значительная;
я ошановиль осла близъ до-
роги, позади густаго кустар-
ника, и покуда дѣвушка кри-
чала: Шарло! Шарло! я сѣлъ
на него, надѣль соломенную
шляпку на голову, и поѣхаль
въ глубину рощицы.

Она все кричала: Шар-
ло! Шарло! а я все громче

звенѣлъ его колокольчикомъ , желая найти какое нибудь дерево поплотще , изъ за котораго бы, я могъ ее вспрѣ- шить. Она показалась на краю роши ; лице ее пылало еще болѣе , она едва переводила духъ опъ усшалости, когда же увидѣла своего Шарло, то бросилась къ нему, обня- ла его , называла тысячью ласковыми именами. . . — Ты здѣсь , Шарло ! говорила она ему, и обнимала его жи- вошное спояло покойно, а я, все еще сидя на немъ , не удостоился ни одного взгля- да. . я бы опдалъ жизнь свою, за одинъ изъ шѣхъ свѣ- жихъ поцѣлуевъ , которыми

она осыпала Шарло... Шарло занималъ всѣ ея мысли.

Наконецъ она подняла голову: — Ахъ! вошь и шляпка моя! вскричала она веселымъ лицомъ; пошомъ пошрѣла на меня большими черными глазами, и видя что я не схожу съ Шарло, съла на праву на прошивъ меня и осла; привела въ порядокъ свои волосы, обшерла лице, надѣла шляпку, испустила сильный вздохъ ошь усшалости, и всшала какъ обудшо говоря мнѣ: *сойдите!* Судя по ея рѣшишельному виду, мнѣ казалось что она шребуешъ ошь меня своего Шарло.

Я слезъ, она вспрыгнула на своего осла дернула за поводъ, сильный толчекъ подъ бока, и поскакала! Никогда не видывалъ я дѣвушки прелестнѣе, и свѣжѣе! и со всеменьшѣмъ, она, неудоспоила меня ни взглядомъ, ни словомъ. Что бы сказать? Она вся занята была своимъ Шарло, и шляпкою. Къ шемужь, я не изъ числа шѣ безнравственныхъ людей, которые воображаютъ, что есть только одинъ способъ занимать ся съ женщиной; у меня эсихъ способовъ тысячи и самыхъ невинныхъ. Вы толкуете о томъ, что должно взять за руку. . . сдѣлайте

милосшь! развѣ не величай-
 шее блаженство, видѣшь какъ
 она бѣгала, всшавала, саци-
 лавѣ; какъ она кликала Шар-
 ло. . и я же сидѣлъ на ея
 ослѣ, на шомъ самомъ мѣспѣ
 едѣи она сидѣла, я надѣвалъ ея
 соломѣнную шляпку, подвя-
 зывалъ подъ бороду ея лен-
 шочьку, . . я наклонялся къ
 ей, когда она обнимала Шар-
 ло! Вы говорите о сердцѣ
 ея? А что есть серд-
 це женщины? знаете ли вы
 его? гдѣ чловѣкъ споль про-
 стей, кошорый повѣришь ихъ
 улыбкѣ, и кляшвамъ? Только
 одинъ очень молодой чело-
 вѣкъ . . Такъ думая вошелъ я
 въ шаверну Добраго Кролика.

Таверна Добраго Кролика, расположена у подошвы Ванврской горы. Прислонившись къ мѣльницѣ, — она гостеприимно споймъ между садомъ, и дворомъ. Я люблю эту таверну! дворъ освѣненъ деревьями; и эшомъ дворъ служишь споловою залю Парижскимъ кумушкамъ, ..

Небеспокоюсь о томъ, что ихъ видяшь, онѣ любяшь смопрѣшь на проходящихъ, и проѣзжающихъ по большой дорогѣ. Во время жаровъ, для объдающихъ раскидываешся по среди двора полошняя палатка. Черезъ эшомъ дворъ безцрерывно проно-

сяшь вино, сишный хлѣбъ, баранину и росбифъ; въ саду наслаждающся гаспрономы инаго рода: молодыя дѣвушки и молодые люди; молодыя дѣвушки и спарики; молодыя дѣвушки и военные, молодыя дѣвушки и спашскіе. Я право не надивлюсь этому множеству молодыхъ дѣвушекъ: откуда онѣ берутся?

Я сѣлъ въ уголокъ сада одинъ одиноконекъ, безъ дѣвушки, но самовластно наслаждался всѣми, кошорыя шущь были. . . правду сказашь многіе изъ нихъ нежелали бы шущь бышь. Одна не могла кушашь, она завпра-

кала поштру въ другомъ мѣ-
стѣ; голодная солдатская
дочь разѣвала широкую гор-
шань, смотря на всепожи-
рающій голодъ своего казарм-
наго друга; дочка приказна-
го видимо шерзалась ошъ не-
перпѣнїя, смотря на медлѣн-
ность своего друга, и посы-
лала къ черпу, его беззубую
челюсть, и скучный обѣдъ.
Въ уединенной бесѣдкѣ, скры-
вались юноша съ своею кузи-
ною: семнадцать лѣтъ и ему и
ей! весь обѣдъ ихъ состоялъ
изъ сыра и хлѣба, .. но они
ѣли съ апешисомъ, весело ...
такихъ обѣдовъ не бываешь
двухъ разъ въ жизни!

Дѣвушка, и Шарло, безпрерывно представлялись моему воображенію! пріятности одного: его живость, сшашность, легкость; красота другой, ея живость, прелесть, смѣлость, легкость... эти величественные уши и угрожающіе небесамъ, эта веселая улыбка презирающая бѣдствія; ~~эпошь~~ спокойный и красивый шрошь, эпошь бѣгъ споль быспрый, воздушный. Я былъ безъ ума отъ одного, и другой; къ шому жъ они шакъ понимали другъ друга. Имя Шарло шакъ естественнo произносилось ею! счастливая чеша! Ни шопъ, ни другая,

не обрашили на меня нима-
лѣйшаго вниманія; я слѣдо-
валъ за ними съ такимъ жа-
ромъ, я шакъ любовался ими,
а она и невзглянула на ме-
ня! Между шѣмъ, я возвра-
щался по прежней дорогѣ,
уже не обращая вниманія на
цвѣшны, мѣльницы и все, что
шакъ занимало меня ушромъ;
я груспилъ, досадывалъ, какъ
человѣкъ неожиданно всѣми
оспавленный. Одно приклю-
ченіе вывело меня изъ меч-
шашельности. Я встрѣшилъ
съ неуклюжимъ креспьяни-
номъ; мужикомъ, во всемъ
смыслѣ слова; передъ нимъ
шацился съ навозомъ гну-
сный осель; креспьянинъ не-

милосердо погонялъ его.. Ахъ ты Шарло! закричалъ онъ наконецъ. — Шарло? я обернулся, вглядываюсь: несчастный! эшо онъ! изгибается подъ тяжестью навоза; и его бьютъ кнутомъ. Какая грубая прошивуположность! какое неожиданное превращеніе! Я прошелъ мимо Шарло, и съ состраданіемъ взглянулъ на него. . . . Онъ какъ умѣлъ ошблагодаришь меня шѣмъ же. Я ссрадалъ цѣлые восемь дней; дѣвушка и мужикъ, я, и навозъ на шой же спинѣ. . . и какое то печальное предчувствіе о судьбѣ прекрасной крестьянки омрачило меня! Успокоив-

иись не много, я опяшь на-
чалъ свои прогулки по окрест-
ностямъ Ванвра, и Добраго
Кролика — садился у кустар-
ника, подлѣ копораго она упа-
ла. . . напрасно! много ословъ
и дѣвушекъ проходило мимо
меня, но ни разу не встрѣ-
шилъ я, ни Ганріешы, ни
Шарло.

Г л а в а 3.

С и с т е м ы.

*Le malheur est une muse.
Yung.*

Съ этого дня я спалъ грустить. Новая Поезія поглащало все; какое то мрачное удовольствіе спрадашь подобно Вершеру вдругъ овладѣло мною, и я спалъ со всѣмъ иной. Изъ веселаго, забавнаго, въпренаго, сдѣлался печальнымъ, скучнымъ, мрачнымъ. Я былъ весельчакъ, любилъ смѣхъ, и вакхическихъ пѣсень. . . бывало, облокопясь на споль, безъ всякаго намѣ-

ренія жмешся къ искусшвеннымъ округлосшямъ , подлѣ сидящей женщины, и вскользь допрогиваешся ногою до маленькой ножки , копорая незамѣчаетъ того. Теперь — избѣгаю заспольнаго веселья, ищу уединенія , не хочу пѣсень , и слушаю драмы , и какія драмы , Боже мой ! Даже я самъ , соорудилъ драму наиужаснѣйшую : можно принять первый актъ за пятый , такъ много кровопролишя . Я сдѣлалъ безчисленныя опкрышя въ эпомъ родѣ , нашель новые рудники горести : изобразилъ цѣлую исторію, разнообразное продолженіе незамѣшныхъ по-

спепенносшей, и совѣмъ шѣмъ, опдѣльныхъ. На Олимпѣ, мною усшроенномъ, я нагромоздилъ пресшупленія на злодѣянія, гнусность физическую на подлосшь моральную; я ободраля нашуру, и лишивъ ее, ея бѣлой унишанной оболочьки, украшенной нѣжнымъ румянцемъ и персиковымъ пухомъ, — разкрыль всѣ ея сосуды шшоль многосложные, показаль какъ переливается кровь, — какъ всѣ жилы пересѣкаюся во всѣхъ направленіяхъ . . . чяюбъ могли слышань сухо біющееся въ груди сердце . . . насшоящая живая бойня! Предсшавъше операцію: моло-

дой, здоровый человекъ, лежишь на широкомъ черномъ камнѣ, а два опышные палача, сдирають съ него кожу парную и окровавленную какъ съ зайца, не отдѣляя отъ всего, ни лоскуточка. Вошь избранная мною напура: она правдоподобна какъ и всѣ прочія, то голая истина, какую изображалъ Тимонъ нелюдимъ.

Къ несчастію, не легко доспигнуть споль полнаго результата. Надобно много времени, много шруда, много шочности, швердосши и вниманія; болѣе нежели сколько думають, чтобъ шакъ соединишь свои ощущенія и

обезцвѣшить совершенно это невинное младенчество души, и спыдливосшь, кошорой всего труднѣе лишиться. Особенно трудно это было для меня, еще въ молодости написаннаго чшеніемъ Фоншенеля, и Сегре. . . Я очень помню, сколько наслажденій доставляли мнѣ ихъ паспушки въ башистовыхъ рубашкахъ, и паспушки въ фижамахъ; напудренныя овечьки, посошки, обвипые розовыми леншами, паспбище сшоль же роскощное како софа, беззнойное солнце, безоблачное небо; . . . мнѣ очень нравились Галапея Виргиліева, два рыбака Теоокриповы! . . . что

дѣлашь, я былъ молодъ!. Но что такое пасухъ въ самой существенности? оборванный горемыка, умирающій съ голода; за пяшь копѣекъ провожающій нѣсколько паршивыхъ овецъ въ сторону отъ большой дороги. А паспушка? жирный кусокъ мяса, имѣющій рыжее лицо, красныя руки, засаленные волосы, воняющіе коровьимъ масломъ, и чеснокомъ. Теокрипъ, и Виргилій нагали на нихъ. И такъ — смѣлѣ! и помиримся съ нашурою, кошорою мы имѣли честь открышь первые.

Впрочемъ, все зависишь отъ умѣнья; примемся за дѣ-

ло ; кстапи пожашая рука , взглядъ брошенный во время и умѣста , выразишельная улыбка , часпо очень успѣшно дѣйствуюшъ . Я подружился съ эшою нашурою на выставкѣ мершвыхъ шѣлъ ; надобно сказашъ однако , что я осмѣлился подашъ ей руку , не прежде , какъ поволочившись за нею довольно долго .

Прежде всего , я опказался опъ сельскихъ каршинъ , цвѣшовъ , Ванвра , Кролика , и опъ той однообразной дороги , по кошорой я шель счастливо , не замѣчая , что мое счастье , спаро какъ первая весна эшаго міра ; послѣ шо-

го я началъ разсматривать
нашуру съ иной точки зрѣ-
нія; сполно обратишься въ
противную прежней сторо-
ну — вошь и все. . . И поч-
но, я увидѣлъ ужасныя ве-
щи. Бывало упрямъ, надѣвъ
теплый колпакъ на голову, и
еще чувствуя усалось по-
слѣ крѣпкаго сна, я сажусь у
окна. . . и моимъ обворожен-
нымъ глазамъ, пошчасъ каза-
лось въ пробужденіи города,
что то мирное, еще невин-
ное; я мысленно опспро-
нялъ бѣлые, и красные занавѣ-
сы у оконъ; и мнѣ пред-
спавлялись маленькія жел-
шинькіе шуфельки лежація на
блещащемъ коврѣ; богашая

шаль, небрежно брошенная на софу; и въ роскошныхъ пуховикахъ, молодая Герцогиня, въ сладкой дремошѣ, съ улыбкою на розовыхъ устахъ.
Въ верхнемъ этажѣ видилась мнѣ молоденькая дѣвушка, занятая своимъ ушреннымъ шуалешомъ, сидя на окошкѣ; прежде всего, она зачесывала свои длинные волосы подъ роговою гребенку, съ изломанными зубцами; потомъ надѣвала на голову круглый чепецъ, и поглядѣвшись въ кусочикъ зеркальца, весело принималась за работу; въ низу предсавлялся мнѣ шарый холоспякъ, идущій съ своимъ ушреннымъ завшра-

комъ , и уступающій дорогу молоденькой горничной; старая молочница между ихъ , съ своею пележкой и собакою ; далѣе нищій собирающій обильную милосшыню. . . . вдали несчастная жертва сладосшрасшя , быстро вбѣгаетъ въ свою кварширу , чшобъ шамъ ; отдакивашъ свое безсшынное ремесло. Каждое ушро , угощаль я себя эшимъ блюдомъ сшасшя ; послѣ шого , поливаль свои цвѣшы , и послѣ всего , садился почишашъ какое нибудь изъ образцовыхъ произведеній шараго времени. И я оштался бы получеловѣкомъ , пошерян-

нымъ человѣкомъ еслибъ не
вспрѣшилъ Ганріету на ослѣ,
и черезъ нѣсколько минушь
шогоже осла съ навозомъ!

Когда по зрѣломъ раз-
мысленіи, я перемѣнилъ се-
бя, и ошказался опть своего
окошка, цвѣшовъ; когда я
убѣдился, что въ пышныхъ
жилицахъ гнѣздишя раз-
вращъ, что молоденькая дѣ-
вушка гошова ондашья вся-
кому, кто поведешъ ее на
гулянье; что старый холо-
сшякъ не иное что какъ бѣд-
ный эгоисшъ, а учшивосшъ
его — подлосшъ; что эта
горничная, соблазнила мужа
и развращила сына воспи-

шавшей ее госпожи ; что
всѣ эши гнусные купцы всша-
юшъ рано для одной цѣли :
обманушъ — а подаюшъ мило-
шыню изъ суевѣрнаго стра-
ха — шогда , я спалъ опы-
скивашъ чего нибудъ , что
бы замѣнило для меня эшу
живую каршину — и я по-
шелъ въ Уголовный судъ. . .
ровно въ полдень — самое
лучшее время въ судъ. Одинъ
адвокатъ всходишъ на каеед-
ру, другой адвокатъ сходишъ
съ каеедры , . . . безбородые
юноши, какъ будшо заняшые
важнѣйшими дѣлами , зѣваю-
щїе судьи, громогласные прид-
верники. . . . шакимъ обра-
зомъ , изъ всего свяшилища

юспиціи , всего любопышнѣе показалаь мнѣ желѣзная рѣшешка , вся вызолоченая , . . и я вообразиль , что передь эшою рѣшешкою , споишь слѣсарь привязаный къ сшолбу за шо , что украдь кусокъ желѣза . . . въ горесши своей онъ думаеть , что еслибъ ему принадлежала хоть частица эшой рѣшешки , онъ былъ бы и счасшливъ и свободень , посреди своего семейства

Въ былое время , я любиль цвѣшочную улицу : прелешное мѣсто между берегами Сены , сходбище всѣхъ любипелей дешеваго удовольствія . Тамъ , безъ коншракша ,

безъ нотаріуса, безъ справокъ покупають землю, огороды, садъ, и уносятъ ихъ подъ мышкою; миршы, розы, ренонкулы, лавры, простые голубинькіе цвѣшочки безъ запаха; бѣлыя маргаритки съ желшенькими пяшнышками посрединѣ — гвоздики, разпеленныя на бумажкахъ или каршочкахъ, на пиковомъ королѣ или бубновой дамѣ, или на какой другой могущественной державѣ каршежной игры, ссылающей людей на галеры, или просто въ воду. Но та же цвѣшочная площадь, разсмотрѣвши ее хорошенько — наводишь на меня грусть. . . Въ двухъ ша-

гахъ — висѣлица , — напрошивъ, издаешся газета судопроизводства. Кругомъ дѣльцы, ношариусы, приказнослужители , — и извѣспковая вода въ каждомъ поддонкѣ горшка съ цвѣшами, чшобъ цвѣшны были живѣе. . . Не напоминаешъ ли это невѣжу, съ помощію розги, развивающаго способноши дичиши ? . . . Теперь я очень рѣдко прохожу цвѣшочною площадью.

Такъ все обезображиваешся ! испина шоль усердно опыскиваемая мудрецами — ужасная вещь ! Я ее сравниваю, съ огромными выпуклыми зеркалами. Подхо-

сокровеннѣйшіе недоспашки,
и блаженствоваль въ своей
любой радости, видя какъ
все это далеко отъ прекрас-
наго . . . Въ самомъ дѣлѣ,
это прекрасное? гдѣ оно?
покажице мнѣ человѣка, ко-
шорый совершенно владѣеть
своими шакъ называемыми
чувствами? шѣмъ соединені-
емъ чего то, посредствомъ
кошорого онъ надѣется уло-
вишь напуру? Думая шакъ, я
пошелъ въ Инспишущъ для
слѣпыхъ, и долженъ былъ
запкнущъ уши, чшобъ неслы-
шавъ незаконный музыки;
я зашелъ къ глухонѣмымъ, и
меня зашашало отъ тамош-
ней мешафизики; зашелъ

въ Ортопедическое заведеніе и мнѣ предсѣавилась горькая мысль, что можешь быть я нервый, буду обмануть улучшеніемъ уродливости. . . Съ ужасомъ предсѣавилось мнѣ, что я, въ первый день брака, жочу обнять мою подругу, и чувствую какъ изъ шрепещущихъ рукъ моихъ, скользясь ея бока, шалія исчезаетъ, и вмѣсто спройной красоты, я нахожу безобразное уродливое созданіе. . . я шрепещу ошь одной мысли о шомъ!

Между прочимъ, мнѣ удалось видѣть и Конскрипшовъ, защитниковъ ошечесства. У однихъ были замасляныя ру-

бахи, у другихъ, изорванныя рубахи, — нѣкошорые, изъ самыхъ щеголевашыхъ, были совсѣмъ безъ рубахъ. . . . и всѣ такіе неуклюжіе! сморщась такъ дико! и общее желаніе ихъ, небыть солдашами!

Въ самомъ дѣлѣ, порода людская, естъ самая низкая порода. Нѣтъ опличительный породы, нѣтъ чловѣка похожаго на другаго чловѣка; нѣтъ такаго опличія, кошорое бы вѣрно означало Лимузинца, Ліонца, Парижанина. **Жалкій родъ!**

Когда же насшупаль вечеръ, я радовался; выходиль одинъ, и сшановилса въ шеш-

ральномъ корридорѣ. . шущь
 безумцы давящъ другъ друга,
 чшобъ захвашишь мѣспечько
 и восхищашься чершомъ, про-
 каженнымъ , или оправише-
 лемъ , шамъ же, разха-
 живающъ люди , ремесло ко-
 шорыхъ сосшоишь въ 'шомъ ,
 чшобъ бышь попеременно раз-
 бойниками, жандармами, кре-
 спьянами, вельможами, Гре-
 ками, Турками, бѣлыми мед-
 вѣдами , черными медвѣда-
 ми. . . всѣмъ чѣмъ угодно ;
 сверхъ того , они засшавля-
 юшъ играшъ своихъ женъ ,
 дѣшей, младенцевъ , и прадѣ-
 душку; сверхъ того, они само-
 любивы, надавали себѣ именъ,
 прозваній. Это ужас-

ное , и низкое удовольствіе
 меня отвращало , но моя
 система заснавляла меня
 наблюдашь какъ чернь заба-
 вляешся , смѣешся , живешъ ,
 пользуешся шаашрами , ак-
 шерами , акшрисами , суфле-
 рами , и геніями , раскрываю-
 щими всѣ шайны пресупле-
 нія и убійства. Опшуда шель
 я на бульваръ , и шамъ наблю-
 далъ Парижскій разврашъ въ
 его малѣйшихъ измѣненіяхъ :
 я начиналъ съ Басилии —
 Тамъ разврашъ еще скромень ,
 еще не шакъ явень
 начинается съ какого нибудь
 ребенка , поющаго срамную
 пѣсенку , для удовольствія ма-
 шросовъ и приказныхъ. Иди-

ше далѣе. . развращь другаго рода: чернинькой передникъ, бѣлые бумажные чулочки, просшинькой чепчикъ, скромный и бѣглый взглядъ, медленная и боязливая поступь, ... крадешся по снѣнкѣ, какъ будто опасаясь встрѣчи съ чумнымъ. Далѣе развращь нарядный, .. пошомъ развращь юноши: шаль, придцать шесть лѣтъ, наемная кареша, спектакль, и студентъ промощавщій все прешное жалованье; наконецъ, развращь большаго барина: молодая и видная женщина, очаровательная и нарядная. . однимъ словомъ — шанцовщица. . . Теперь развращь являешся во

всей силѣ — У перекрестковъ
 шарухи предлагающъ вамъ
 собственныя своихъ доче-
 рей; шупъ лоперейныя дома,
 шамъ. . . взгляните вверхъ,
 какое освѣщеніе! . . . Отку-
 да оно? изъ игрецкихъ и
 публичныхъ домовъ. На са-
 мой высотѣ этой башни
 дѣлающъ фальшивую монету;
 а шамъ на углу, жена рѣ-
 жешъ своего мужа, сынъ об-
 крадываешъ опца . . слыши-
 те ли? какой ужасный звукъ!..
 Нѣчто тяжелое упало въ
 Сену: шо можешъ бытъ мо-
 лодой человекъ . . . его не-
 сешъ по печенію . . . послѣ
 завтра его найдутъ въ сѣ-
 шяхъ у Сенклу. .

Три дни послѣ этого, я его увидѣлъ на выставкѣ мертвыхъ шѣлъ. Вошъ какъ еще неопредѣленные ощущенія, и ложный ужасъ, довели меня до ужаса, который оказался правдивѣе, и совсѣмъ проникъ меня.

Г Л А В А 4.

*Выставка мертвых тѣлъ.**Sine nomine turba.**Virg.*

Напрасно упоиреблялъ я всѣ эти средства къ своему разсѣянiю . . . я чувствовалъ въ глубинѣ души, чтошо, похожее на сожалѣнiе. Новая жизнь моя, не имѣла цѣля, ей недоспавало героини, — недоспавало Ванврской дѣвушки. Я ее снова нашель однажды упромъ на улицѣ. На ней небыло уже спаринной соломенной шляпки; она уже не имѣла прежней свѣжести и живоспи въ лицѣ;

загаръ не придавалъ уже круглошы и крѣпосши ея рукавъ — со всеѣмъ шѣмъ, шо была она. Ни обувь, ни новая шляпка, ни шелохъ ея шелковаго плашья, ничшо не скрыло ея ошъ меня — и я узналъ Ганріешу. Она шла скромно, смошрѣла съ недо-вѣрчивосшію, опусшя голову, бросая бѣглые взгляды. Хошя и заходила она во все модные магазины, и осшанавливалась вездѣ, гдѣ можно было что нибудь посмошрѣшь, — со всеѣмъ шѣмъ, замѣшно было, что она куда то спѣшишь и шоропится ишши. Но настоящая минуша была сильнѣе ея воли, и совершенно по-

коряла ее. Впрочемъ, ея смиренный видъ, скромная поспушь, скрышность немножко выисканная и слишкомъ замъшная, заспавили меня подумашь чшо она уже погибла.

Мы шли очень далеко. Въ самомъ концъ улицы С. Жакъ, толпился народъ — производила аукціонная продажа. Торговый народъ кипѣлъ во внутренности, и при входѣ въ домъ. По обѣимъ сторонамъ улицы, спянулись приборы торгующихъ разнощиковъ: совершенно новые зеркала, сшарья церковныя книги, разныя неблаговидныя домашнія вещи, карпины безъ рамъ; во внутренности до-

ма — самое горестное зрѣлище: шамъ продавали за долги, все имущество бѣдняка — ничего несстоющія мебели, но для него драгоценныя, разный вздоръ, сославлявшій все его добро; его жесткой люфякъ, бывшій его свабедною постелью; спольъ просаго дерева, на которомъ онъ писалъ; шарые кресла, на которыхъ умерла его бабушка; поршрешъ жены его, писанный имъ, прежде чѣмъ она убѣжала съ своимъ соблазнительцемъ въ Брисель, кой какія эшампы, приколонные къ спѣнѣ булавами — все эшо поступало въ руки Юсшици. Юсшиция проявля-

лась шуть въ пискливыхъ возгласахъ шрехъ лицъ, разпоряжавшихъ продажею. Все шло подъ молотокъ — даже чижики висѣвшій въ клѣшкѣ; ни кшо не шорговаль шолько одной собаки; собака, и ребенокъ его, оставались въ уголкѣ, и Юспиція о нихъ не думала. Пошребно было часъ времени, штобъ по всей формѣ обобрашъ несчастнаго; ни кшо не думаль о его совершенной нищешъ, о назначенной ему шюръмѣ, о пяшилѣшнемъ заключеніи, которое возвращишь ему жизнь безъ приспанища, свободу безъ пропишанія, и этого ребенка... никшо, даже юная

Ганріета. Я долго примѣчаль за нею, и незамѣшилъ никакого движенія сострадапельности; ни одного знака жалости, ничего душевнаго; она ушла какъ изъ спектакля, кошорый видѣла даромъ, и въ двадцати шагахъ опшуда, ошпановилась передъ сѣзжею, куда двое полицейскихъ служиселей шацили нищаго.

До эшаго бѣдственнаго дня, сей нищій, счичаль себя счаспливѣйшимъ чело-вѣкомъ, — онъ собираль милоспыню всю жизнь свою. Въ младенчешвѣ, просягиваль онъ за подаяніемъ свою рученку, беззабошно сидя на спупенькахъ мосша, между

кльшкой съ собаками, и портовкой, продававшей постановленія Національнаго Собранія; сдѣлавшись юношею, и скорчившись уродомъ, онъ умѣлъ опдѣлаться ошъ воинской славы имперіи, и собиралъ милосшыню во имя Королевской фамиліи, и древняго дворянства; когда Королевство воспановилось, онъ преобразился въ раненаго при Аусперлицъ, и просиль во имя Французской славы и бѣдспвій при Вашерлоо; и шакимъ образомъ, онъ собиралъ обильную дань съ соспраданія ближнихъ. Современная исторія, была для него неизчерпаемымъ иссточникомъ про-

довольствія. По собраніи ежедневной подаши, онъ безмолвно спановился въ какомъ нибудь общественномъ мѣстѣ, и внутренно смѣялся надъ людьми, копорые шакъ шоропились къ неизвѣстной цѣли, и задыхаясь бѣгали за какимъ шо счастьемъ, копорое онъ нашель шакъ легко, шоя на одномъ мѣстѣ. Онъ гордился своею жизнью, какъ ученый шеснадашаго вѣка. . . какъ истинный мудрецъ, опгадавшій, что счастье подлѣ насъ; впрочемъ, и онъ служиль Государству, всѣми своими способностями, и обогащаль опечество по своему, уплачивая косвенный налогъ;

ибо, пошпру, онъ со всѣмъ усердіемъ и охошою, опорожнялъ нѣсколько спакановъ вина; въ полдень, когда солнце блисшало всею своею красошою, а воздухъ чистъ и тихъ, съ маленькой и черненькой прубкою во рпу, онъ любиль, упившись табачнымъ куревомъ, окружапъ себя игривыми изображеніями шонкаго дыма, сщоль полезнаго для правительства; обѣдъ его сосшоялъ обыкновенно изъ солонины. — И онъ очень справедливо ушверждалъ, что онъ наиполезнайшій гражданинъ во Франціи, пошому что пошребляешъ много вина, таба-

ку, и соли; при произведе-
ніи, доставляющія наиболѣе
выгодъ предспавишельному
правленію. Для подобнаго ни-
щаго, такое разсужденіе не-
совсѣмъ дурно.

Послѣ эшаго немудрено,
что его поразило извѣстіе о
шомъ, что впредь, онъ бу-
дешъ имѣть кварширу, пищу,
ошопленіе, освѣщеніе. . . .
не прося уже милосшыни.

Мы видѣли его, когда
онъ проходилъ въ депо, —
лице его было еще покойно,
но замѣшно было благород-
ное уныніе, и мнѣ жаль его
стало — пошому что онъ
лишаешся свободы. Ганріеша
равнодушно опвернулась опъ

него, и пошла далѣе; я за нею, и мы пришли въ одно время къ мѣсту, гдѣ высшавляющъ шѣла людей, умершихъ ошъ разныхъ несчастныхъ случаевъ.

Маленькое строеніе, въ кошоромъ высшавляющъ шѣла, споишъ прошивъ Госпиталя; куполь его зелѣнѣешъ ошъ морскихъ правъ и расшеній, что очень пріятно для глазъ. Эту бесѣдку видно издалека; у подошвы ея плещущься волны, мупныя и грязныя. Всякій свободно идешъ шуда; дверца всегда опворена, сшѣны пропощѣли. Среди эшой пустошы, положены пшшь или шещь ши-

рожихъ каменныхъ плитъ, на кошорыхъ лежатъ мерзвые шѣла. Во время сильныхъ жаровъ, и послѣ каждой новой мелодрамы, — по два шѣла на одной плитѣ. Въ эшошъ день было шолько при покойника: первый каменщикъ, шарикъ, упавшій съ шрешьяго эшажа и проломившій себѣ голову. Очевидно было, что бѣднякъ, проработавшій всю жизнь свою обезсилѣвъ подъ шаросшъ, и уже негодился для своего ремесла; сосѣднiя кумушки, кошорыхъ любимое сходбище было въ вышавкѣ, рассказывали одна другой, что послѣ шарика осшались

при сына, но ни одинъ не захотѣлъ признавъ покойника опцемъ своимъ, опасаясь издержекъ, необходимыхъ для его погребенія. Подлѣ бѣднаго каменъщика, лежалъ мальчикъ, раздавленный на улицѣ карешою танцовщицы; его раны, и онъ весь, были кое какъ прикрыты черною мокрою кожею. Вы бы подумали что мальчикъ спитъ, забывъ училище и розгу наставника: въ головахъ его висѣла его фуражка, зеленый спензеръ, чистая рубашечка зацѣпанная пылью и кровью, узелокъ съ полдникомъ; по срединѣ, на особомъ камнѣ, лежалъ ушопленикъ — моло-

дой человекъ, посинѣлый, съ позеленѣлымъ желудкомъ: въ головахъ его, висѣла богатая одежда. Ганриета оспановилась передъ нимъ и неизмѣнившись въ лицѣ, сказала тихо: онъ!

И точно, онъ, рѣшился на самоубійство отъ нее. Для нее, онъ забылъ свой гошическій замокъ, надежду сидѣть въ палатѣ Англійскихъ Перовъ, свое имя, споль извѣстное въ Америкѣ. . . и все, отъ того только, что онъ видѣлъ ее, точно также какъ и я — когда она ѣхала на Шарло! Онъ увидѣлъ ее въ ея дѣвической красотѣ, и подъ этими формами, споль

числыми, хошълъ найши душу! Она ничего болѣе не сказала, кромѣ одного слова: онъ! и удосшовѣрившись, что теперь совершенно независима, хошѣла иши, когда вошли двое молодыхъ людей. . Одинъ походилъ съ виду на лакея, принадлежащаго знашному дому: однако онъ былъ ни что иное какъ ученый скороцѣлъ; другой казался знашнымъ бариномъ: но былъ лакей упопленика.

Онъ вошелъ, узналъ своего господина; вмѣстѣ они восцишывались, вмѣстѣ объѣхали всѣ лѣса Кеншскаго графства; у нихъ было все общее, все одинаковое, и комнацы,

и росшбифъ, и пиво. Оба они были спашны, и красивы. Онъ спалъ въ ногахъ умершаго, тихо погрузился въ безмолвную горесшь. Безсмысленная толпа, эша подлая толпа, бывшая нѣкошорое время нацією, казалось, совсѣмъ не почувствовала это безмолвное ошча.

Въ шощь самыи день шпорожъ, присшавленный къ шѣламъ, праздновалъ свои мянины; семейство его, и друзья, сидѣли у него за шшломъ; ему пропѣли поздравительные куплешы, нарочно для него сочиненные; онъ и все его общество было въ шшломъ удовольствіи, однако

время-опъ времени, онъ заглядывалъ за красную занавѣску своей столовой изъ предосторожности, чтобъ кто-нибудь неукралъ его мерш-ва.

Наконецъ ученой юноша подошелъ къ Англичанину. — Хошите ли чшобъ вашъ господинъ вспаль? — сказалъ онъ — Мой господинъ ошвѣчалъ Англичанинъ — Да, вашъ господинъ, хошите ли, чшобъ онъ вспаль, прямо, и опкрылъ глаза. Англичанинъ смощ-ра на ученаго юношу съ безпокойнымъ, жалкимъ сомнѣнiемъ. . . . и его можно было поже приняшь за вы-

ходца съ того свѣша. . —
 „Принесите ко мнѣ шѣло
 сегодня вечеромъ, въ девять
 часовъ, и я исполню свое обѣ-
 щаніе. Трепещущій Англи-
 чанинъ взялъ предлагаемый
 ему адресъ, и какъ будто убѣж-
 денный такою увѣренностію
 и торжественнымъ обѣщані-
 емъ, ошвѣчалъ: я буду. Смо-
 тря на него, казалось видишь
 человѣка опчаяннаго, рѣшив-
 шагося на смерть. Послѣ
 эшаго, незнакомецъ, Ган-
 ріеша, и я, какъ будто сто-
 ворясь, всѣ шрое вмѣстѣ вы-
 шли изъ бесѣдки.

Забывъ Ганріешу, я шовт-
 часъ обратился къ молодому
 человѣку. . я былъ весь заняшъ

мершвецемъ кошорый ожи-
вешъ нынѣшнимъ вечеромъ. —
Милоспивый государь! ска-
заль я смѣло, позволише ли
вы мнѣ бышь сего дня вече-
ромъ, при совершеніи обеща-
наго вамъ чуда? — Съ боль-
шимъ удовольствіемъ, опвѣ-
чаль онъ очень ласково, и
думая, что Ганріета при-
шла со мною, онъ обратился
къ ней, но я неслыхаль ихъ
разговора, и оспановясь съ
быспрошою сказалъ самому
себѣ, чувшвуя какъ волосы
мой спали дьбомъ: смѣлѣ!
вошь большой шагъ на поп-
рищѣ ужасовъ!

Г л а в а 5.

Г а л ь в а н и з м ь.

*Si ce n'est qu'impossible, ça se peut.
M. Scribe.*

Я пригошовился къ вечеру. Я былъ въ шревогъ, какъ будто собираюсь на смершубійство. Моя теорія о злодѣйствахъ могла бы сосставишь толстую книгу. Пологаю, что еслибъ всѣ люди жили въ обширныхъ, большихъ комнашахъ, пресшупленій было бы менѣе, но шерзаній совѣсши болѣе. А мы въ наше время, все съузили. Человѣкъ хоронишся въ комна-

пѣ, имѣющей шесть фуговъ въ длину и шесть въ ширину; онъ сѣуживаетъ и это пространство карпинами, веселыми какъ сонъ младенца; запыленными книгами, закопшѣлыми бюсами; онъ душился подѣ роскошью, и произведеніями искусства, чшобъ находить развлеченіе при каждомъ поворотѣ головы своей. Сидя въ такой засадѣ, можно ли проявить мысль добрую, или ужасную? Какая розница съ обширною залою, оклѣенною чернымъ дубомъ, . . . куда едва проникаешь свѣшъ . . . шущъ, все поржественно, шущъ вѣроломное эхо вшоришь ма-

лѣйшее біеніе сердца ; шупъ
 вы чувствуете все ваше оди-
 ночество, всю вашу слабость,
 слабость существа, которое
 не можешь наполнить собою
 жилища имъ занимаемаго ;
 шупъ, и безмолвіе имѣешь
 евой языкъ. Я, я препеналъ,
 я пугался ! но мнѣ ли опъ-
 явленному любилелю ужаса,
 отказаться опъ эшаго по-
 слѣдняго обряда ? знашь по
 Гречески и не чишашь Илли-
 яды ! Пробило девять ча-
 совъ — я поѣхалъ.

Лошадь моя лепѣла, до-
 рога казалась мнѣ длинною ;
 я потчасъ нашель домъ. Онъ
 былъ хорошъ снаружи —
 иду — и нахожу въ ярко ос-

въщенной залѣ, порядочныхъ молодыхъ людей, хозяинъ привѣщивовалъ меня поклономъ, а — Ганриѣша . . она небрежно покоилась на канапѣ, какъ будто хозяйка дома.

Разговаривали съ живошпю, весело, о всемъ, и шакъ хорошо, какъ назаказъ. Вдругъ, на лѣспницѣ послышался глухой шумъ, сильный спукъ въ передней, и — ошворились обѣ половинки дверей въ залу. Вошелъ молодой Англичанинъ, онъ несъ на плечахъ своихъ шѣло своего господина, а въ лѣвой рукѣ держалъ другую пшажесшъ довольно большую. Ненайдя ничего куда бы положишь шрупъ,

онъ нахмурился, и положилъ главную ношу на шо самое канавъ, на кошоромъ лежала Гаярїеша . . . и шакимъ образомъ, голова ушопленика, очушилась подлѣ головы дѣвушки.

Держа подѣ мышкою, свою другую ношу, ошгнившую ногу шрупа, онъ подошелъ къ хозяину. . . . „Операція ваша будешъ ошъ эшаго еще важнѣе ! сказалъ онъ.

Между шѣмъ очищали споль, на кошоромъ были набросаны журналы, эшампы, ношы, . . эшо унесло нѣскольکو времени. Англичанинъ возвратился къ софѣ, все держа подѣ мышкою ошдѣлившуюся ногу.

Когда все приготовили, положили шло на споль, приспавили оппавшую ногу на мѣспо, и молодой чело-вѣкъ началъ дѣйствовашь.

.....

Мершвецъ вспаль, защел-каль челюстями, опдѣлившая-ся нога рухнулась на пар-кешь . . . На эшопъ шяже-лый ударъ, опозвались печаль-ные звуки форшепцяно — и все было сказано.

Молодой Англичанинъ былъ внѣ себя, вскричалъ радосшно — но приближась къ своему господину нашель одно безчувсшвенное шло; взяль руку — рука была хо-

лодна ; онъ проширалъ свои глаза какъ будто послѣ тяжелаго сна , и хошѣлъ бѣжашь . . . Я за нимъ , — я его поддерживалъ . Мы уже были за дверью , когда онъ вдругъ оборотился , и сверкая глазами , сказалъ хозяину : завтра , въ полдень , я приду за моимъ господиномъ ; вы опвѣчаете мнѣ за него своею головою , я хочу его всего , цѣлаго .

И мы вышли .

На лѣспницѣ едва не опрокинули мы человека , который несъ хозяину и гостямъ его бокалы съ пуншемъ .

Г л а в а 6.

Б о г о м о л к а.

Monsieur; c'est une dame!
(*Madeleine*).

Мнѣ вообразилось чшо я слишкомъ ознакомился съ ужасомъ — чшо древніе мастера въ печальномъ родѣ, поступали иначе; чшо съ меня довольно было бы *Эдипа на Кивѳеронѣ, Дидоны, смерти Гектора* и сараго *Пріама* преклоняющаго колѣна передъ *Ахилесомъ*; чшо нравствен-ная боль, и ея сильныя живыя ощущенія, со всемъ не

сходны съ болью Физической, — и наконецъ, что операція въ каменной болѣзни, и препанировка черепа, немогушь служишь содержаніемъ драмы, — и я рѣшился бышь веселѣ впередъ.

Но скоро я возвратился опяшь къ своему любимому ученію. Мы живемъ въ шакомъ обществѣ, гдѣ владычество эгоизма, не допускаешъ насъ соболѣзновать несчастіямъ ближняго: и какъ эгоизмъ, такъ и мы не доступны состраданію; довольствоваться спрасками древняго поэтического міра — поже что, схоронишь себя заживо въ могилу; спраспи

древняго міра въ обществѣ, которое успало отъ воплей историческихъ героевъ, и замѣнило ихъ разбойниками и палачами! И я оспался при моемъ прежнемъ расчетѣ.

И по правдѣ, что по милости столь ѣдкой боли, я не буду плакать, говорилъ я самому себѣ; но въ такіе молодые лѣта, отказываешься отъ сладости слезъ! понимаете ли вы это несчастье? казаться снаружи покойнымъ, и все хоронить внутри, какъ тяжесть подвѣшенную къ сердцу! Такъ человекъ, умирающій съ жажды, держитъ въ рукахъ

бушылку полную благодѣшельной влаги, но эша бушылка ни каплею ни освѣжаешъ его, пошому, что слишкомъ полна.

Пошомъ, хошѣлось мнѣ узнать, что сдѣлаешя съ героинею моею книги. Она сдѣлалась богатою дамою, изъ богатою дамы, благопворишельною дамою, [чтобъ бышь чѣмъ нибудь]. И я видалъ ее, каждый праздникъ. . . Предшесвуемая швейцаромъ въ широкой перевязи, она являлась держа въ своей бѣлинской ручкѣ, блистающей алмазами, — фиолетовый бархашный мѣшокъ; улыбкою привлекала щеславное подаяніе

мущинъ , и наклоненіемъ головы , скудную милосшыню женщинъ . Однажды упромъ , собирая подаяніе для бѣдныхъ , она зашла ко мнѣ : къ счасшію , у меня никого не было .

Было два часа : лѣшнее знойное солнце палило мои комнашы ; споры были опущены , на столикѣ лежали у меня прекраснѣйшія розы , — въ моемъ кабинетѣ было прохладно и свѣшло : онъ освѣщался шолько однимъ опраднымъ лучемъ солнца , кошорый побѣдивъ всѣ преграды , въ голубыхъ и бѣлыхъ опсвѣсахъ , опъ занавѣсокъ моихъ , упадалъ прямо на вос-

хишипельную головку Мадонны, кошорою можно было принять за Рафаэлеву. Она вошла, моя юная красавица. Съ ней никого не было, она была очень нарядна, — она взвѣяла благоухающій воздухъ моего кабинета, и я снова увидалъ на лицѣ ея, прежній румянецъ. Я вспрѣшилъ ее съ нѣжнымъ воспоргомъ. . . И ша, кошорая не обращала на меня взгляда, какъ на просшолюдина, — ша самая, сама пришла ко мнѣ, и въ шакое необыкновенное время! Она съла, шупъ, подлѣ меня, и наконецъ взглянула на меня, сама заговорила со мною; я на минушу забылъ

все, что зналъ о ней, и вспомнилъ ее, и Шарло.

— Наконецъ вы посѣщили меня, моя милая Ганриеша, сказалъ я ей какъ старый знакомый, или какъ чело-вѣкъ совершенно знающій кого видишь, и начинающій разговоръ безъ околичностей.

— Ганриеша! сказала она: вы знаете мое имя?

— А Шарло Ганриеша? знаете ли гдѣ Шарло?

— Шарло! и она усстремила на меня глаза свои, съ такимъ видомъ какъ будто желаешь вспомнишь гдѣ она видала меня, и совсемъ не-знаешь Шарло: эшо забве-ніе пронуло мое сердце.

— Да, сказалъ я съ чувствомъ, — гдѣ эшошъ Шарло, котораго вы такъ любили, котораго вы цѣловали съ такимъ воспоргомъ; Шарло, на копоромъ вы скакали въ окрешностяхъ Ванвра, Шарло, ошъ котораго вы пошеряли однажды вашу соломенную шляпку, Шарло, на копоромъ возилъ навозъ вашъ бапюшка, Шарло, котораго я видѣлъ. . . .

— Она вынула маленькую красную сафьянную книжку, съ бронзовами украшеніями по угламъ, и неопвѣчая на мои слова, сказала: я собираю въ пользу несчастнорожденныхъ; сколько вы дадите?

— Ничего.

— Я васъ прошу, подайте имъ , изъ любви ко мнѣ. Прошедшій разъ я собрала сто двадцать франковъ болѣе чѣмъ Г-жа * * * , я приду въ опчаяніи если она теперь соберетъ болѣе меня.

— Знаете ли вы, что такое несчастно-рожденный ? закричалъ я громко.

— Нынь еще , ошвѣчала она. —

— Такъ подише и узнайте эшо сударыня. . . И когда , въ бѣдности , изнеможеніи, опозореные, вы съ прешомъ пойдеше въ больницу, зайдите сюда , спросите моего человека , напомниме

ему о Шарло, и я дамъ по-
даяніе вашему ребенку.

— Она пошла опъ меня
пихимъ шагомъ, печально по-
смопря на свой кошелекъ,
съ довольнымъ видомъ взгля-
нулась въ зеркало, и въ по-
слѣднемъ взорѣ, брошеннымъ
ею на меня, казалось хошѣ-
лось ей изъявишь свое презрѣ-
ніе. . . Но онъ ничего невыра-
жалъ, небыль даже сердитъ:
гнѣвъ естъ послѣдняя добро-
дѣшель, пребующая сердца.

Когда она ушла, я раз-
каялся, что шакъ принялъ ее
въ первый разъ. . Жестокій
отказъ на ея первую прось-
бу! Но въ шребованіи ея, бы-
ло слишкомъ много кокетства,

цѣль желаній ея слишкомъ опзывались щеславіемъ! и сверхъ всего — ни слова о Шарло! ни одного слова о тебѣ Шарло! холодная, суешная, неблагодарная эгоиспка, — и со всѣмъ тѣмъ шакъ мила! Я узнаю, что будешь съ шобою, сказалъ я самому себѣ; какъ собственная шѣнь швоя, я буду слѣдовать за шобою, я пройду вмѣстѣ съ шобою жизнь швою: она не можетъ быть продолжишельна! Несчастливая! самое богатство швое дѣлаешь тебя презрѣнною! оно не можетъ долго существовать: приходишь одного человека обогатила тебя, другая

прихошь, снова ввергнешь себя въ ничтожество; и вспомнилъ о множествѣ несчастныхъ, рожденныхъ судьбою въ низкомъ сословіи; для того, чтобы послѣ, предашь ихъ прихошамъ богатыхъ сей земли, которые пользуются ими какъ слѣпую лошадью, и мѣняють также легко какъ лошадей.

И послѣ этого, я возвращался къ своей теоріи; она никогда не казалась столько дѣльною, и она открыла мнѣ, что несчастливѣе существо на свѣтѣ есть женщина.

Въ младенчествѣ, она расшешь и скучаеть; осѣм-

надцаши лѣшъ имѣешъ ты-
 сячи услужниковъ , и любов-
 ника , который ее бѣешъ ;
 двадцаши лѣшъ , у нее два
 любовника, она обманываетъ
 ихъ, и они ради умирають
 въ любви къ ней ; шри го-
 да спусшя , она разоряешъ
 какого нибудь сумазброда
 шарика , который скупю ей
 плашишь ; пошомъ легонькіе
 морщины на лицѣ , волоса
 рѣдѣють, глубокое опчаяніе;
 молодость ея пропала , из-
 чезла какъ сонъ , исчезла , и
 вмѣсто ее , оспались одни
 поминанія о любви и уг-
 рызенія совѣсши , . . пошомъ
 нищеша , и пошомъ распуш-
 ство, убѣжище — мостовая. Я

видалъ женщинъ , при помѣ
прекрасныхъ , кошорыя для
пропишанія дозволяли разби-
вашь камни на живощь сво-
емъ; другія выходили за мужъ
за шпіоновъ. Скажише, спои-
ло ли это шруда бышь кра-
савицею ? А красоша — дартъ
сшоль необыкновенный ;
одномъ эшомъ словъ красоша
сшолько блаженсшва и любви
сколько преданности и по-
чшенія; но чшобъ понимаешь
это , надобно знашь се-
цъну , надобно имѣшь душу.
Увы ! еслибъ у меня досшала
духу , я разсказаль бы вамъ
объ эшомъ самую горесшную
исшорію !

Г Л А В А 7.

Добродѣтель.

Un nom!

Brutus.

Я сдѣлался еще угрюмѣе: меня самага беспокоило невѣденіе, почно ли я влюбленъ въ нее, не смошря на все мое безрѣніе къ ней? Я опшкло- нился немного опъ моего души, не шеряя его однако въ виду, и на минушу ударилъ въ мракъ метафизики. По обыкновенію моему, я сосшавилъ изъ нее науку чуждую всѣмъ прочимъ, лицешворенную опвлеченносшь, но безъ

результатовъ, далъ ей звучный, поэтический языкъ, но непонятный для другихъ. Я искалъ причинъ добродѣтелей и пороковъ, долго размышлялъ о счастіи и удовольствіяхъ; убѣжавшій изъ сумасшедшаго дома, немогъ бы выдумать лучшаго. Гдѣ счастіе? говорилъ я самому себѣ, и глядѣлъ на проходящихъ: каждый спѣшилъ куда нибудь, розно одинъ ошъ другаго, и однако всѣ имѣли одну цѣль. Останемся здѣсь, сказалъ я про себя, и посмопримъ что изъ эшаго будешь.

Дерево, подѣ которымъ я сидѣлъ, было запылено, вяло. . . . Размышленія мои

прервались, ошъ появленіи пешехода, въ кошоромъ я шошчасъ разгадалъ бродягу, нѣчто въ родѣ спранспвующаго рыцаря, покорнаго и лаоковаго съ ушра до ноци. Такъ какъ было еще свѣтло, онъ обрашился ко мнѣ съ учшивою просьбою удѣлить ему немножко шѣни, и пошомъ, не дожидаясь моего ошвѣща, безъ околичности сѣлъ подлѣ меня, выпацилъ изъ мѣшка хлѣбъ, фляжку съ виномъ, и спалъ медлѣнно ее пошягивать, приправляя свой обѣдъ, по привычкѣ, вздохами. Мнѣ представилось, что эшотъ человекъ можешъ оказать мнѣ большую

помощь въ моихъ шепереш-
нихъ изысканіяхъ. — Послу-
шай брашъ, скажи мнѣ въ чемъ
состоишь счастье? спросилъ
я его дружески.

Онъ посмопрѣлъ на меня
съ удивленіемъ, глопнулъ
вина, и сказалъ: счастье? Да
о какомъ именно счастьи вы
меня спрашиваете?

Я не ожидалъ этого во-
проса, онъ запруднилъ меня,
и чшобъ опдѣлаться, я ска-
залъ ему: спало бышь по шво-
ему счастье не одинаково?

— Безъ всякаго сомнѣнія.
Напримѣръ, я, съ шѣхъ поръ
какъ гуляю посвѣшу, я испы-
шалъ всяческое счастье: я

имѣлъ счасшіе знавашь машь свою, шогда какъ множесшво людей не знаюшь ни опца ни машери ; когда я вырось , я имѣлъ счасшіе лишишься въ Брисшоль шолько одного уха, а очень легко было лишишься обоихъ ; возмужавь , я имѣлъ счасшіе пушешесшвовашь , и изучишь права и обычаи всѣхъ народовъ , на общесшвенный счешь ; вошь видѣшели , сколько рознаго счасшія ?

— Я понимаю шебя добрый человекъ. . , но все эшо , сосшавляешь шолько часшницы счасшія , разновидные лица одного семейсшва : а я желаль бы знашь въ

чемъ полагаешь ты общее счастье ?

— Такъ какъ нѣтъ общаго бродяжническаго, то и незнаю что отвѣчать вамъ. Однако, въ продолженіи жизни моей, я замѣшилъ, что, для здороваго человѣка, счастье заключается въ стаканѣ вина, и кускѣ жирной вещицы; счастье больного лежашъ въ Госпиталѣ, одному на постелѣ.

— Продолжая такую особую, и скудную жизнь, ты вѣроятно много поспрадалъ отъ страстей своихъ ?

— О! у меня были ужасныя страсти, сказалъ онъ тихимъ голосомъ, и придви-

гаясь ко мнѣ. Прежде всего я очень любилъ фрукшоваыя деревья, и виноградныя лозы, я обожалъ бушылки и пракширы, дѣлалъ тысячу глупостей за немножко денегъ; очень помню, что чешыре длинныя зимнія ночи, я прождалъ дрянное бархашное исподнее плашье; чуть не засадили меня въ шюрьму за невиннаго лошака, къ копорому я влезъ въ конюшню. Теперь, конечно всѣ эпизраспи давно прошли! прибавилъ онъ, и въ то время какъ я въ изумленіи слушалъ его, онъ укралъ у меня носовой плашокъ.

— Но гóря, конечно, ты много перенесъ въ жизни, продолжалъ я, печальнымъ голосомъ.

— Однако же нѣтъ горя, которое бы не забылось когда въ рукахъ карпы! возвратилъ онъ улыбаясь, и кажешся былъ фэшовъ предложишь мнѣ поиграть съ собою.

— Были ли у тебя друзья, добрый и почтенный человекъ?

— У меня былъ другъ когда мнѣ было девятнадцать лѣтъ, я ему сворошилъ черепъ за практирную служанку; въ Брисшоль, также у меня былъ другъ, котораго я подвелъ подъ висѣлицу,

чтобъ спасши свое оспальное ухо; даже непозже какъ вчера, я имѣлъ друга; я у него выигралъ его котомку, хлѣбъ, и паспортъ; друзья у меня не переводились, и они у меня всегда будутъ.

— Ты говоришь, что много путешествовалъ — скажи мнѣ, что нашель ты особеннаго, чрезвычайнаго?

— Въ Врисполѣ я видѣлъ какъ оборвалась веревка, опъ тяжеспи повѣшеннаго; въ Испаніи, я видѣлъ одного Инквизишора, кошорый опказался сжечь Жида; въ Парижѣ, я видѣлъ полицейскаго шпіона, заснувшаго у дверей заговорщика; въ Римѣ, я ку-

пиль хлѣбъ, въ кошоромъ была лишняя унція вѣсу. Вошь все.

— Теперь скажи мнѣ сдѣлай милосшь, неудалось ли тебѣ узнатьъ хошя случайно, что ешь добродѣтель?

— Нѣтъ — о ней я ничего незнаю, ошвѣчалъ онъ.

— Это мнѣ очень больно, я бы воспользовался вашимъ опредѣленіемъ, сказалъ я, и снова предался мечтамъ моимъ.

— Черезъ минуту я увидалъ, что нищій спановишся прямо прошивъ меня, и держа палку въ одной рукѣ, поднимаешь другую съ шоржешвуюющимъ видомъ.

— Послушайте меня, сударь, сказалъ онъ, и неопчаявайтесь! если ни вы, ни я не знаемъ, что такое добродѣшель, поищемше людей, кошорые, можешъ бышь, ее знающъ; я ихъ буду спрашивать о томъ, если это угодно вамъ, и не прошивно Г-ну Полицмейстеру.

— Спрашивай, сказалъ я ему, и будь покоенъ; спросишь у человека, что есть добродѣшель, не то что требовашъ у него кошелекъ; шолько одинъ эшотъ послѣдній вопросъ немножко щекотливъ.

— Смѣло, какъ мошенникъ, кошораго поддерживаешъ че-

спный человекъ, мой бродяга вышянулся, поднялъ голову, усшремилъ глаза, и съ полуошкрытымъ ршомъ, сшаль посрединѣ дороги.

Показались два человекъ: росшовщикъ, и его жертва; въ чемъ сосшоишь добродѣшель? закричалъ бродяга громовымъ голосомъ.

— Въ деньгахъ, опдаваемыхъ въ росшь за двадцашъ пять проценшовъ, ошвѣчалъ первый. Въ пупешесшвїи въ Брисель, ошвѣчалъ другой, и они пошли своею дорогою.

Нищїй оборошился ко мнѣ, чшобъ узнать продолжашъ ли ему распросы; я ему кивнулъ головою, и въ

по время показался другой путешественникъ.

То былъ весельчакъ, полько что выпущенный изъ шюрьмы, и имѣющій придцашь шесть франковъ и няшьдесяшь саншимовъ, чшобъ бышь добродѣшельнымъ. Нищій съ учасніемъ опнесся къ нему: — Добрый пушь, шоварищъ; но скажи мнѣ прежде, что такое добродѣшель?

— Добродѣшель, шоварищъ, ешь уголовный судъ, приговоръ, десяшилѣшніе заключеніе въ шюрьмѣ, палочные удары, и два словца на плечахъ которыхъ не нужно возобновляшь: вошь что значишь добродѣшель. . .

— Хорошо сказано, ошвѣ-
 чаль вопросишель; если хо-
 чешь сдѣлашься подобно мнѣ
 пушешесшвенникомъ, мы по-
 брапуемъ; тебѣ слишкомъ
 хорошо извѣсна добродѣ-
 шель и я неопсшану опъ
 тебѣ! и они пошли вмѣспѣ.
 Но вдругъ показался конный
 жандармъ, и осшановиль ихъ:
 чшо ешь добродѣшель? за-
 кричали они смопря на ка-
 валерисша.

— Добродѣшель, ешь же-
 лѣзная цѣпь, рогашка, крѣп-
 кая шюрьма съ шройною зад-
 вижкой, . . . сказалъ жан-
 дармъ, и погналь ихъ передъ
 собою.

И вошь какъ я узналъ
что есть добродѣшель.

Г л а в а 8.

*Разсужденіе о нравственномъ
безобразіи.*

Oh! horrible! horrible! horrible!

Hamlet.

Между шѣмъ , нехошя
сдѣлалъ я важное опкрышіе:
я узналъ , что мерзость
нравспвенная, нисколько не-
успупипъ мерзости физиче-
ской ; что сердечная прока-
за, споль же опврапипшельна
какъ и всякая другая, и что

если намъ надобны, во что бы то ни спало, ужасы, то всего благоразумнѣе, не оспанавливаясь на шѣлесныхъ мученіяхъ. Вопъ задача, которую я предложилъ себѣ длѣ разрѣшенія, и опнынѣ спановлюсь между сими двумя пресупными напурами. Несчастный! я заплашилъ за эту науку веселосью, спокойшсвіемъ, своимъ счаспиемъ; проспой вопросъ, превратился въ вопросъ, касающійся любви, и наконецъ коснулся и уголовнаго суда. Я такъ далеко зашелъ, что опспупить уже невозможно. Я былъ подобень человѣку, начавшему соби-

рашь насѣкомыхъ, и кошорый для полношы собранія, необходимо долженъ хранишь и самыхъ опшрапшительныхъ. Впрочемъ, шакъ судиль я, шо жестокое, и печальное ученіе, должно вѣрнѣе познакомишь меня съ людьми чѣмъ всѣ книги нравоучителей. Сколько разсужденій о нравшвенной природѣ, кошорыя ничего не доказываютъ? Основивились на однихъ ничшожныхъ признакахъ, шога какъ должно было рышь до основанія. Чшо мнѣ въ вашихъ нравахъ большаго свѣша, кошорый переспанешъ существовашь въ топъ самый день, когда опшнимушь у не-

го шпіоновъ , шюремщиковъ , палачей , лошерейные и развращенныя дома , пражирны и спектакли. . . . Сихъ то главнѣйшихъ агентовъ общественнаго движенія , должно было мнѣ узнать , попому что того требовала моя система, и попому еще, чтобъ ошвлечь себя на минушу , ошъ сшраданій міра физическаго , которымъ я до сего былъ заняшъ.

И такъ , я началъ изучашъ сихъ героевъ моей исторіи. Я пересмошрѣлъ ихъ во всякихъ видахъ. Я изучилъ обширное шпіонство у содержашелей гостинницъ , у вельможъ , у всѣхъ прославленныхъ

женщинъ. Мѣлочное шпіонство въ шракирахъ , на публичныхъ гуляньяхъ. И какъ дивишься смотря на этихъ людей ! Они имѣютъ семейства , они ласковы съ женами , нѣжны съ дѣтьми , у нихъ есть друзья , совсѣмъ не принадлежащіе къ ихъ сословію , и которые ходятъ къ нимъ объдашь они живутъ , шочно шакъ , какъ честные , добрые граждане .

Однажды , я примѣшилъ нищаго въ лохмотьяхъ , — спрашно было сморрѣшь , — на его длинную бороду , всклокоченные волосы , и на все-го , ошь головы , до пяшь . . . Онъ вошелъ въ маленькой

домикъ на Анненской улицѣ. Черезъ минушу онъ вышелъ опшуда . . . и какое превращеніе ! Онъ имѣлъ почтенную наружность, былъ одѣтъ очень опряшно, на груди его видны были два креста, и онъ шелъ объдасть къ судьѣ. Я прешалъ, смотря на его быстрое превращеніе !

Я увидалъ однажды, что одинъ изъ содержателей карточной игры, кошорый жаднокровно смопрѣлъ цѣлую ночь на разореніе и опчаяніе многихъ семействъ, возвращаясь домой, подарилъ свой плащъ бѣдняку, дрожавшему отъ холода.

Эта смѣсь порока и добродѣтели, жестокости и состраданія, испугала меня больше чѣмъ превращеніе на Аннинской улицѣ.

Я видѣлъ молодую, прекрасную женщину, продававшую лоперейные билеши. Она сидѣла у своей коншорки, подлѣ молодого челоуѣка, слушала увѣренія въ любви его, и въ тоже время, равнодушно продавала бѣднякамъ свои прокляшыя бумажки.

Эта любовь, при колесѣ форшуны сжала мое сердце.

Г Л А В А 9.

О п и с ь и м ѣ н і я .

Tous ces biens sont à toi.

Satan.

Je n'aimerai plus rien quand je vous oublierai.

Frederic Soulié.

Эти ужасные предметы непрестанно были передъ моими глазами; міръ физической, вблизи разсмотренный, сдѣлалъ меня несчастнымъ; наблюденія надъ міромъ нравственнымъ, увеличили мои бѣдствія; поэзія привела меня до ненависти къ людямъ, существенность поселила во мнѣ ненависть къ жизни, ..

я упала слишком глубоко! И я была счастлива некогда; жизнь радовала меня на каждом шагу; при каждом движении, вселенная представлялась мне сквозь призму розоваго цвѣша! Жизнь моя поблекла, вселенная перемѣнилась! Я непримѣтно сдѣлался дѣйствующимъ лицомъ драмы, которую непременно надобно кончить — но я не предвидѣлъ развязки. Я рѣшился найти ее — во что бы то ни стало, и уже опворилъ машинально мое тяжелое гебеновое бюро, испещренное желтоватымъ перламутромъ: драгоценность моей жизни въ опцовскомъ домѣ..

Въ разныхъ ящикахъ эпаго
бюра цѣлая поэма! я уныло
пересмотрѣлъ все, и эпошт
сморъ былъ усладителен
какъ воспоминаніе.

Прежде всего вы види-
те посреди бюра кипу ста-
рыхъ бумагъ: въ ней ста-
жи молодого человѣка, дра-
мамъ, начатныя сочиненія
прежде временныя роды, зда-
ніе выспроенное до полови-
ны, и уже разваливающееся
ни одна изъ мыслей, по-
равшихъ меня въ то время,
не была изложена, ни одна
не нашла наружнаго отголос-
ка; человѣческая память не
когда не занималась ими, и да-
же собственная моя. Въ иску-

спѣвъ воображенія, самое зашруднишельное, не мысль, а проявленіе эшой мысли: чшобъ она поражала своею опредѣленностію, и превлекала своєю красотою. И я не держу на эшо, несмотря на старость и молодость; какъ служанка, неловкая или лѣнивая, я оставилъ мою богиню полу-одѣшою. То была не присшойная и восхипишельная небрежность, кошорая сосшавляетъ вѣнецъ искусства, но оскорбительная понагоша: чулокъ въ положену спущенный, и на немъ поношенная подвяска; распустившійся корсетъ, грубая исподница, наизнанку. Вотъ

что сохраняется въ первомъ ящикѣ моего бюро. Во второмъ ящикѣ, почти ничего: въ немъ семейственныя бумаги, крѣпосши, заемныя письма, моя духовная, состоящая изъ двухъ спрочекъ, — вся моя независимость, моя неогрѣненная, восхитительная независимость, вся въ этихъ доскушкахъ бумаги! Сгори они, и завтра же, я смешаюсь съ чернью, завтра же, я ничто иное, какъ поденщикъ, — пища, кошую въ первый весенній день, зашигла зимняя спужа; совсемъ лѣтъ, эпомъ ящикъ — хранище моея свободы,

одинъ не запертъ. . . ящикъ подлѣ него , защищенъ двумя замками; въ не запертомъ ящикѣ лежатъ дѣла денежные ; въ закрытомъ хранятся дѣла сердечныя ; почему онъ на всегда и останется запертымъ.

Я не изъ числа шѣхъ , кошорые смѣются надъ прошедшею любовью. Я испыталъ , что любовь , не замѣняешся другою любовью. Вторая любовь вредитъ прешьей , прешья четвертой; онъ слабѣетъ какъ перекашное эхо; уменьшающся какъ кругъ , появляющійся на водѣ возмущенной камешкомъ , брошен-

нымъ ребенкомъ. — Особенно невозможно замѣнить никогда одну женщину: ту которая замѣнила намъ первую любовницу.

И вошь что разложено въ моемъ запертомъ ящикѣ: письма, волосы, перстни, нѣсколько поршрешовъ, изломанные браслеты; по ихъ запаху, формамъ, почему-то мною угадываемомъ, я ихъ распознаю и ночью. Эши черные, длинные волосы украшали величественную, гордую голову; я былъ ребенкомъ, и несмотря на нѣжныя ласки, не могъ сморгнуть на ея черные, зеркаль-

ные глаза; я пугался ея любви, и разорвалъ связь, послѣ кошорой, началась моя веселая молодосшь.

Вошь письма; полстпая бумага, большія буквы, широкія зачерки, особенный слогъ, не поняшный только для любовника. Послѣ знашной дамы, я возвысился до просшой дѣвки; она была молодинькая, и предобрая, была на всемъ моемъ содержаніи, я любиль ея до безумія. . . она прихаживала ко мнѣ съ ушра, бросалась на софу, и шущь по цѣлымъ часамъ по дремала, по съ спокойною улыбкою, смотрѣла на меня

какъ я пишу, то съ легонькимъ нешерпѣніемъ ожидала счастливый минушы. Или, въ полномъ удовольствіи опъ своей красоты, гордясь имѣшь меня своимъ спутникомъ, рука объ руку, она являлась со мною на гуляньяхъ, въ театрѣ; вездѣ, гдѣ нужно только бышь молодой и хорошенькой, чшобъ обратишь на себя вниманія.

Тупъ же ешь браслеть; я бережно храню его; я даль слово возвраишь его лично, и все еще держу у себя. Онъ былъ опданъ мнѣ въ минушу безумнаго упоенія; эшо было вечеромъ, я ее совсемъ незналъ, она схватила

мою руку, увлекла въ свой блестящій будуаръ: еслибъ я вздыхалъ по ней цѣлый годъ, и тогда не лъзя было бы ожидать любви шоль спрасшной! Добрая дѣвушка! да вознаградишь себя небо, когда исполнишь тебѣ тридцать лѣтъ, покойнымъ мѣстомъ въ смиренномъ или рабочемъ домѣ, куда рано или поздно, ты попадешь непременно.

Есть еще у меня обручальное кольцо, желшинькая шишая перчатка, зеленый вуаль, исторія котораго, заславляетъ меня прешашь.

Для себя, Ганриеша, я отдалъ бы все эшо; все эшо — еслибъ ты захотѣла вспомнить о Шарло!

Я оканчивалъ свой пересмотръ, когда взглянулъ на запечатанный пакетъ, кошорый не былъ отосланъ по назначенію, и оставленъ лишь какъ вещь мнѣ не принадлежащая, какъ священный залогъ для меня неприкосновенный. Однако, по внушенію какого то пресупнаго любовнышства, я распечаталъ пакетъ. Въ немъ былъ шелковый плашочикъ, цвѣтъ котораго давно вышелъ изъ моды; и при немъ записочка, сложенная и запечатанная съ

большимъ стараніемъ , и напишанная благовонными духами , предвѣстниками любовнаго письма. Я распечата- шаль письмо , — и смотря на почеркъ почти невѣ- рилъ что то было писано мною ; въ сильномъ волненіи я прочелъ , давно забышыя строки.

Я быстро задвинулъ ящикъ — и взоры мои остано- вились на пистолецахъ , кошорые лежали не подалеку : я взялъ ихъ , и сшаль разсма- шривашъ кабанью голову , вы- рѣзаную на плашинѣ ; кровь моя посшепенно разгоряча- лась , пульсъ бился спремие- тельно ; я чувсшовавалъ бла-

женство страшное, но столь полное, что непомнилъ себя. Вдругъ, легонько постучались у дверей моихъ. . . — Войди, малюшка, закричалъ я, и дверь отворилась.

Г л а в а 10.

Ж е н н и.

Cherche:

Théodore Burette.

По мѣрѣ приближенія ея ко мнѣ, писполешъ подняшый мною до головы, чувствительно опускался, и упалъ на прежнее свое мѣсто, когда дѣвочка подошла ко мнѣ. Что новинькаго, милая Женни? сказалъ я ей спокойно; не потеряла ли ты опять чего нибудь изъ бѣлья моего, или сожгла мои маншеты? — Добрыя вѣспи, сударь — завтра моя свадьба.

Меня какъ громомъ пришибло; уже шесть лѣтъ обращался я съ нею, какъ съ ребенкомъ: даже сего дня упрямъ я пригошовиль ей лакомства, а эштошь ребенокъ, эша бѣдняжка, Женни, выходишь замужъ? Я посмопрѣль на нее, и удивился, что эшо очень возможное дѣло. Я тяжело вздохнулъ, и съ бѣшенствомъ вскочиль съ мѣсша.

„Проклятъ шощъ, закричаль я, кшо первый изъ ужасовъ, сдѣлаль ремесло, и шоваръ; проклята да будешь новая поэпическая школа, съ ея палачами, и привидѣнїями; они все низпровергли вокругъ меня; и въ шо время, какъ я

наблюдалъ нравственнѣйшій міръ и его таинственнѣе вліяніе, я не замѣшилъ что эта хорошенькая Женни, уже выросла!“ Извини меня, малинькая Женни! сказалъ я, обращаясь къ ней, мнѣ казалось, что ты вѣчно оспанешся ребенкомъ. — И Женни, у которой глаза были полны слезъ, захохотала, и подставя мнѣ свою пухлую щечку, сказала: что же вы не цѣлуете сегодня вашу маленькую Женни?

— Цѣлую съ почтеніемъ невѣсту, опвѣчалъ я, наклонясь къ ней.

— Вашу малинькую Женни.

— Пусть такъ! мою маленькую Женни — и я вздрогнулъ невольно.

— И вы будете на моей свадьбѣ? будете? сказала Женни, играя пуговицами моего фрака, — приходите же! мы сшанемъ васъ дожидаться завтра.

— Непременно, сударыня, — и она бросилась опъ меня, и убѣжала. — Я подошелъ къ окну, увидалъ какъ она сѣла въ шельжку, въ которой возяшъ бѣлье, и поскокала, правя высокою Норманскою лошадыю, такъ смѣло какъ наилучшій кучерь.

Въ слѣдующій день, я отправился на свадьбу. Тамъ

было много народа; Женни была испещрена леншами, и держала въ рукахъ огромный пучекъ померанцовыхъ цвѣшовъ, что заспавило меня почти краснѣшь. Она при мнѣ опсправилась въ церковь. За нею шель ея мужъ, — веселый малой, съ ничего незначущею наружноспію; за нимъ по обыкновенію: распроганная маминька, папинька очень довольный, пошому что на немъ новое плашье, сосѣдки и пр: и пр. Я также пошель въ церковь: смощря на Женни, можно было подумашъ, что она шущъ какъ дома; да, сказала она, явспвенно и швердо,

помолилась, и пошла. Я бросился вперед, и съ важностію поднесъ ей свяшой воды. Чудеса! Мнѣ было очень пріятно, когда она допронудась до моей руки своими пальчиками, а я въ продолженіи шестипи лѣтъ, два раза, каждую недѣлю, цѣловаль ее какъ ни попало! Женни принадлежала уже другому! Между тѣмъ, я пересчитываль ешу игру счастья! Сравниваль ея праздничные и рабочіе дни, и увидѣль что день ея свадьбы, эшошь наилучшій день ея жизни, очень мало разнишься, ошь ея обыкновенныхъ дней. Могу увѣришь, что эши продолжи-

шелые свадебные обряды, весьма многихъ опвращающъ ошъ женидьбы. — По окончаніи церемоніи, и поздравя молодыхъ, я оспавиль веселое общество, простился съ Женни, кошорая проводила меня до воротъ, и признаюсь, мнѣ жаль ее спало! Какъ! сказаъ я, самъ себѣ; я люблю, и безнадежно! но возможно ли воспламенишься любовью не примѣшивъ того? Я невольно вздрогнулъ. Несчастный! напрасно хотѣлъ я скрыватьсѣ ошъ самага себѣ. . . Не Женни причиною моего бѣдспвеннаго положенія! Да, я очень знаю предметъ, съ кошорымъ соедине-

на моя жизнь! Для чего же я недействую, несчастный! но какъ я могу действовать? Какъ говоришь съ тѣмъ, кто не можешь меня понять? Опять, для чего нужно мнѣ, чшобъ она меня понимала? Какое право имѣю я распространять кругъ, въ кошоромъ бьется сердце женщины? Какое право имѣю я пребывать того, чего она знать не можешь? . . . И я былъ гошовъ предашься предопредѣленію Мусульманъ, и вѣришь, подобно имъ, что оно неизбежно.

Г л а в а 11.

Н а т у р щ и к ъ.

Un ver, un Dieu!

Bossuet.

У самой заставы я встрѣтился носомъ къ носу съ человѣкомъ зрѣлыхъ лѣтъ, имѣвшимъ прекраснѣйшее лице, украшенное черною бородою. Я приспально поглядѣлъ на него. — Заплаши мнѣ, если хочешь меня разсмошрѣшь, сказалъ онъ мнѣ; я совершеннѣйшая человѣческая напура, ты удостовѣришься въ томъ собственными глазами. Я прислонился

къ дереву: Предсхавъ Аполлона, сказалъ я ему, и сдѣлайся величественнымъ, если хочешь получишь плащю.

Тогда, онъ вышлянулся всѣмъ корпусомъ, подобралъ бороду подъ подбородокъ, опспавилъ одну ногу назадъ, поднялъ къ небу глаза, разширилъ ноздри, спустилъ лѣвую руку со всею силою, и свободою. — Прекрасный мужчина! думалъ я, и изъ чувства зависти сказалъ ему: Теперь, предсхавъ Римскаго невольника, кошораго хопяшь съчь, за украденныя фиги.

Онъ шошчасъ вспалъ на колѣна, сторбилъ спину, опер-

ся на свои жилистые руки, подползъ ко мнѣ, и взглянулъ жалостно и боязливо, какъ собака пошерявшая своего хозяина. Немного разницы думалъ я, между невольникомъ, и Аполлономъ, и какъ будто для того чтобъ опомсишь за него, я ему сказалъ: теперь представь взбунтовавшагося невольника, который убилъ своего господина.

Онъ приподнялся, спалъ на одно колено; представилъ какъ будто хвапаетъ обѣими руками зарѣзаннаго чловѣка, раскрылъ весь ротъ; смотря на его полузакрытые глаза, усшремленное внима-

нїе, вы бы сказали что онъ всѣми чувствами наслаждается сладостью мщенїя: я его испугался.

— А умѣешь ли предсавить пьянаго? спросиль я его.

— Я никогда не передразниваю пьяницъ, ошвѣчалъ онъ, но если ты дашъ мнѣ ~~указку~~ шую плашу, то нынѣшней же вечеръ увидишь меня мершво пьянымъ у прошуарнаго шолбика, — и увидишь даромъ.

Я бросиль ему нѣсколько денегъ. Аполлонъ, невольникъ, сдѣлался обыкновеннымъ человекомъ, и ошблагодариль меня глупою улыбкою, и холодными выраженїями. Суще-

сво споль превосходное ,
и споль ничтожное , искус-
ный актеръ , и пошлый ни-
щій ! Это разсмѣшило меня ;
и былъ очень доволенъ , что
могу еще забавляться.

Между тѣмъ , маленькой
Совояръ, беззаботный, празд-
ный , каковы всѣ они , при-
нявъ меня, вѣроятно, за про-
спяка, побѣждалъ за мною. . .
Найше мнѣ чтонибудь
Г. Капишанъ — Капишанъ
молчишь. — Ваше Превос-
ходительство, Генераль ! —
Его Превосходительство мол-
чишь. — Ваше Сіятельство,
Князь. — Опять ничего. —
Ваше Королевское Величе-
ство ! . . . Я уже хотѣлъ ему

подашь, но меня ошановило
 желаніе знашь, чѣмъ это кон-
 чишся. Однако бѣднякъ не
 зналъ уже какъ меня величашь
 болѣе, ошановилса, и печаль-
 но смолрѣлъ мнѣ въ слѣдъ.
 Тушь я обрашилса къ нему :
 глупецъ ! закричалъ я съ
 сердцемъ , шы шакъ много
 величалъ меня, для чѣго ужъ
 не назвалъ меня Богомъ! . . —
 Подайте мнѣ что нибудь ,
 мой Богъ ! закричалъ онъ ,
 скресшивъ руки.

Я ему подалъ , сколько
 нужно, чшобъ пройши черезъ
 мосшь искусшвъ.

Г Л А В А 12.

О т е ц ъ и м а т ь .

O Fille encore trop chère.

Lusignan.

День проведенный такъ пріятно, доставилъ мнѣ широкое успокоеніе ночью, тысячу восхитительныхъ сновидній; поутиру, ни тяжесть въ головѣ, ни безпокойныя мысли, не превожили меня болѣе. Я безопасно попягивался на постели, какъ въ по счастливое время, когда все радовало меня при пробужденіи моемъ. Я рѣшился быть

окашпливымъ еще денекъ, еще одинъ день проведши въ миръ и оболъщеніи! Я походилъ на алхимисша, копорый занявшись опысканіемъ Философскаго камня, вышелъ освѣжись на чистый воздухъ, и безопасно прогуливаешся, забывъ, что онъ завшра же будешъ владѣшелемъ милліоновъ.

Думая о шакихъ милліонахъ, я одѣвался, наряжался, былъ весель, и напѣвая новую пѣсенку, . . . вышелъ изъ дому, и по старой привычкѣ направилъ мой пушь, къ Ванвру. Дошедъ до *Кролика*, я ошанрвился какъ вкопанный: здѣсь - шо неожиданно погу-

билъ я жизнь свою! Въ эшомъ
веселомъ сходбищѣ, роди-
лась у меня безумная мысль,
бышь неушомимымъ, и без-
присшрасшнымъ свидѣпелемъ
судьбы дѣвушки до конца ея!
Между шѣмъ, я вошелъ въ
садъ: было жарко, — шо
былъ осенній, шяжкій, ушоми-
шельный жаръ, ошъ кошораго
едва защищали пожелшѣлые,
и увялые лисшья. Я подо-
шелъ къ сполику, у кошораго
всегда сажусь; нѣкогда на-
чершилъ я на немъ свой вен-
зель; онъ былъ едва замѣ-
шенъ; другіе вензеля окру-
жали его, новые, и можешъ
бышь сполько же непрочные.
Сколько счасшливыхъ минушъ

провель я за эшимъ сшодикомъ! Сколько разъ, на самомъ эпомъ мѣспѣ, на эшихъ неподвижныхъ въшвахъ взвивалась розовая шкань, и легкая шляпка! Попомъ, я пошелъ во внутренность сада, и нашель шамъ одну богалую даму, роскошно одѣшую; она сидѣла напрошивъ виднаго чловѣка, кошорый говорилъ ей о чемъ шо съ большимъ жаромъ, а она слушала его, съ презрѣніемъ, или гнѣвомъ.

Положеніе эпой женщины привлекало мое вниманіе, мнѣ захошѣлось посмошрѣшь ее въ лицѣ. Не знаю, какое шо непоняшное предчувствіе говорило мнѣ, что она

мнѣ знакома — но какъ я не-
 засмашриваль, женщина не-
 оборачивалась ко мнѣ. Въ
 эшо время, вошелъ въ садъ
 дряхлый бѣднякъ, кошораго
 вела старая женщина. — Она
 подошла ко мнѣ, прося милос-
 шыни, съ шакимъ добросер-
 дечіемъ, съ шакимъ ошкры-
 шымъ взоромъ, чшо я, неволь-
 но почувсшвоваль къ нимъ
 жалосш. Ошъ меня онъ по-
 шель къ богашой женщи-
 нѣ, — она съ сердцемъ ошо-
 гнала его ошъ себя, . . . онъ
 ошошелъ было ошъ нее, но
 посмопря на нее по при-
 спальнѣ, обратился къ своей
 старухѣ: жена! сказалъ онъ
 ей, вѣдь эшо наша дочъ. .

Сшарушка шяжело вздохнула, узнавъ Ганріешу съ перваго взгляда. Сшарикъ хопѣль ее обняшь, и все прощаль: она съ презрѣніемъ ошвернулась. — „Именемъ швоего дряхлаго опца умоляю шебя, дитя мое, узнай насъ, мы шакъ о шебѣ много плакали! а она ошвращалась опѣ нихъ. . — Ради Бога! сказала машь, признай насъ, мы все прощаемъ шебѣ. — То же молчаніе. Я былъ внѣ себя. Я приблизился. — Именемъ Шарло! закричалъ я, взглянише на сшарика, опца вашего, онъ сшо ишѣ передъ вами на колѣняхъ! Опець и машь

проспирали къ ней руки. .
 При имени Шарло она вспала,
 и ошвернувшись пошла
 ошь насъ. . молодой челоуѣкъ
 съ унылымъ видомъ послѣдо-
 валь за нею.

Едва изчезло за дверью
 ея бѣлое плашье, спарикъ
 подсѣлъ ко мнѣ, и съ полу-
 веселымъ лицомъ спросилъ
 меня: шакъ вы знали нашего
 Шарло? — Очень зналъ,
 добрый челоуѣкъ! я даже ѣз-
 жалъ на немъ, и ей Богу! не-
 могу имъ нахвалишься.

— Точно шакъ, сударь,
 ошвѣчалъ спарикъ; я по двад-
 цаши разъ въ день возилъ
 на немъ навозъ, прибавилъ

онъ , допивъ рюмку , и доѣвъ хлѣбъ , оставшійся на сполникъ , у котораго сидѣла его дочь .

— Какъ же это вы съ нимъ распались? продолжалъ я . — Что дѣлать ! сказалъ онъ , жена часто давала его Ганриешъ . мы такъ любили это дѣшя , что не одинъ разъ я самъ носилъ ношу , назначеную Шарло , и все для того шолько , чшобъ Ганриеша погуляла на немъ ! Однажды , я эшаго никогда ни забуду , Шарло , и Ганриеша , исчезли и не возвращались болѣе ; жена плакала о Ганриешъ , я плакалъ объ обо-

ихъ ; эша пошеря насъ разо
рила, я обезсилъль, и вошь —
я нищій!

— Бѣдная, бѣдная . Ган-
ріеша ! сказала машь . —

— Да, бѣдная Ганріеша!
и бѣдный, бѣдный Шарло!
прибавиль шарикъ, попому
чшо ему, вѣрно худо было,
и онъ умеръ еще хуже! —
Очень худо сказалъ я. Я
былъ свидѣтелемъ его смер-
ти; его разшерзали собаки,
и для шого шолько, чшобъ
позабавишь меня!

Послѣ сихъ словъ, ша-
рикъ опсшупиль опъ меня,
и въ испугъ вышель изъ
сада.

Напрасно хошѣлъ я ихъ успокоить и удержать; они не слушали меня, и удалялись пораженныя моимъ варварствомъ болѣе, чѣмъ жестокостію собственнѣйшей ихъ дочери.

И подлинно, какое право имѣлъ я, огорчать ихъ? я, со всемъ для нихъ поспоронній?

Г л а в а 13.

*Воспоминанія вистѣльника.**Le pendu ressuscite.**Lafontaine.*

Напрасно проискавъ удовольствія, о кошоромъ мечшаль, я пошелъ назадъ. Посреди дороги, встрѣшился мнѣ пѣшеходъ: онъ шелъ тихо . . . замѣшно было, что онъ бродилъ безъ цѣли, безъ забошы о вечернемъ ночлегѣ, и завшрешнемъ продовольствіи. На лицѣ его выказывались проспосердечіе, ошкровенность, и вѣра въ случай.

Жизнь, преданная случайности — право недурна. Я всегда замѣчалъ, что она одушевляешь преданныхъ ей людей, какою то особенною силою воли, и свободою — что очень пріятно видѣшь: и шаковъ то былъ пѣшеходъ. Мнѣ хошѣлось развеселишься во чшобы то неспало. . Въ немъ незамѣшно было ничего опшвращительнаго, и я пошелъ съ нимъ рядомъ. Добрый малой самъ заговорилъ со мною.

Вы идете въ Парижъ? сказалъ онъ мнѣ, какъ бы нехопя; ну такъ покажише мнѣ шуда дорогу, пошому что всѣ эши перекрѣсшки, два раза сбивали меня съ пуши.

— Съ охошою! спупайше за мною, и мы войдемъ вмѣстѣ въ Парижъ, хошя по всему видно, что вы не очень шуда спѣщисше.

— Я ошъ роду никуда не спѣщилъ, когда я въ безопасности; а въ Ишалии, оспалась не одна скала на кошорой я скрывался по двѣ недѣли, наспороживъ слухъ, усшремивъ глаза, съ карабиномъ въ рукахъ — напрасно ошидая дичи. . . .

— Какъ? не изъ числа ли вы шѣхъ смѣлыхъ Сицилійскихъ разбойниковъ, о удалствѣ кошорыхъ я слышалъ шакое множесшво пріяшнѣйшихъ разсказовъ, и жизнь ко-

норыхъ шакъ воспламенила Сальвадора Розу?

— Вы опгадали, опвѣчалъ разбойникъ, я изъ числа шѣхъ смѣлыхъ Сицилійцевъ; я былъ веселый, удалой головорѣзь, и похищаль людей съ большой дороги съ шакимъ же искусствомъ, какъ Французскій мошенникъ, шакаешъ на ярмонкахъ карманные плашки. Сказавъ это, онъ опушилъ голову, и шажело вздохнулъ.

— Нажешся вы очень жалѣете, о эшой разгульной жизни? спросилъ я его съ учасшіемъ.

— Очень! очень жалѣю сударь! Жишь иначе — все

равно, что не живь. Ничто подь солнцемъ не можешь сравнишься съ участію жившеля горь. Вообразише осмнадцатилѣтняго молодца: на немъ зеленое плашье съ золотыми пуговицами; волосы его ловко заплешены, и связаны шоненькимъ снуркомъ; на богапомъ шелковомъ поясѣ, висятъ его пистолешы; широкая сабля щачишся за нимъ, и гремишь ужасно; онъ держишь на плечахъ блестящій какъ золото карабинъ, съ боку кинжалъ съ загнушой рукояшкой. Таковъ удалецъ, стоящій на высотѣ скалы, порчащей надъ пропастью; онъ попеременъ.

но поѣшь , и сражается ; заключаешь союзы , шо съ Папою , шо съ Императоромъ ; какъ невольникамъ , позволяешь ошкупаться чужеспранцамъ ; онъ въ волю пьешь розолію ; онъ любимецъ шинковъ , и молодыхъ двушекъ , и швердо знаешь , что умрешь , или на висѣлицѣ , или на постель знашнаго барина : вошь ремесло , кошорое я осшавиль !

— Осшавили ! однако мнѣ кажется , что если эшо и случилось , шо неиначе какъ съ вашего согласія . .

— Да , вамъ можно объ эшомъ холодно разговаривашь ,

перебилъ меня разбойникъ; но еслибъ вы были шакъ какъ я, повѣшены. .

— Вы? Повѣшены?

— Да, повѣшенъ, ошъ усердія къ вѣрѣ. Я скрывался въ неприступныхъ извилинахъ, окружающихъ Террачину. . . вошь, однажды вечеромъ, луна показалась на небѣ, и необыкновенно ясна и чиста; я вспомнилъ, что уже давно не жёршвоваль десяшой часши, изъ добычи моей, въ часовню Богомашери. И какъ нарочно, тогда ей праздновали: во всей Ишалии въ шопъ день, гремѣли Ей молебны, одного меня недо-

спавало между молеельщиками. Я пошчасъ же рѣшилсѧ : бы-
спро сбѣжалъ въ долину ;
и пришелъ въ Террачину
ночью , при полномъ блескѣ
луны. Я былъ весь заняшъ
молишвою ; не забошясь о
шомъ , чшо взоры всѣхъ
успремлены на меня, я про-
брался сквозь шолпу хресшъ-
янъ, кошорые вечеряли предъ
своими домами, и дошелъ до
дверей церкви.

Одна половина двери бы-
ла опворена, на другой при-
клѣенъ былъ широкой лисшъ
бумаги : шо было объявленіе
о поимкѣ меня, и о цѣнѣ моей
головы. Я вошелъ въ церковь,

въ наспоящую Италіанскую церковь; разръзные своды, масшерская мозаика, бло-мраморный алтарь, благоуханіе, и послѣдніе звуки орга-новъ, опзывающіеся во всѣхъ направленіяхъ. Свяшая ико-на была убрана цвѣтами: я повергся предъ нею, и подалъ ей, ея часшь: бриліаншовой кресль, принадлежавшій моло-дой Сицилійкѣ, не большой Ан-глійскій сундучокъ, оплѣчной рабошы. Казалось, дары мои были благоугодны, я вспаль, будучи исполненъ совершен-ною безпечносноію и спокой-ствіемъ, и хошѣлъ возвра-щашься въ горы; но въ две-

ряхъ меня схватили сзади, и Сбирь, вшолкнули меня въ шюрьму, изъ копорой я немогъ освободиться, ибо шамъ не было ни женщинъ, ни молодой дѣвушки, и даже, нечего было дать и шюремщику.

— И васъ повѣсили ?

— Повѣсили на другой же день. . . Хошѣлось чшобъ не было огласки о моемъ задержаніи, и черезъ нѣсколько часовъ приготовили, и висѣлицу, и палача. За мной пришли по упру и вывели изъ шюрмы. У послѣдней рѣшешки спояли Ишаліянскіе монахи, бѣлые, черные, сѣрые, обушые, и босоногіе. . . Они держали въ рукахъ зазженные

факелы, и закушавши головы
 въ санбенито, имѣвшіе ошвер-
 сшіе шолько для одного гла-
 за, были почные мершвецы!
 Чешыре монаха шли передо-
 мною, и бормоча ошходную,
 несли гробъ. . . Я дошелъ до
 висѣлицы. . . Висѣлица была
 порядочная: высокій сполбъ
 на горкѣ, . . и цвѣшочный
 коверъ изъ бѣлыхъ маргари-
 шокъ внизу; позади горы,
 свидѣтели моихъ подвиговъ,
 впереди, зіяла пропасть, въ
 кошорую, съ глухимъ ропо-
 шомъ низвергался быспрый
 цоцокъ. . . Влажный царъ
 ошъ него, доешигалъ до ме-
 ня. — Кругомъ висѣлицы, все
 благоухало, все блисшало.

Безпрепешно подошелъ я къ лѣшницѣ, но бросивъ послѣдній взглядъ на мой гробъ, и измѣривъ его глазами, я закричалъ; эшопъ гробъ малъ для меня! если не перемѣняшь его, я не позволю себя вѣшать! Видъ мой показывалъ твердую рѣшимость. Тогда подошелъ ко мнѣ начальникъ Сбировъ, и сказалъ: любезный сынъ, жалоба ваша была бы досшойна уваженія, еслибы хошѣли уложить въ эшопъ гробъ васъ *всего*; но вы шакъ извѣсны въ эпой споронѣ, что мы рѣшили, по смерти вашей, опрѣзать вашу голову для выспавки на самомъ видѣ

номъ мѣспѣ нашего города ;
и пошому , эшаго гроба , для
вась очень доспашочно .

Я убѣдился , и мигомъ вбѣ-
жалъ по лѣспницѣ на висѣлицу .
Видѣ ошшуда былъ очарова-
пельный , а проводникъ мой но-
вичекъ , а пошому , я имѣлъ
довольно времени , чшобъ обо-
зрѣшь толпу народа . Нѣсколь-
ко молодыхъ людей дрожа-
ли ошъ злосши , нѣсколько дѣ-
вушекъ плакали ; другіе явно
изъявляли свою радосшь , —
въ срединѣ , подобный мнѣ
разбойникъ , обнадеживаль ме-
ня опомсшишь смершь мою .
Я прогуливался на висѣли-
цѣ надъ пропащью . „Ты

убьешся: подожди меня! кричалъ мой палачъ, и онъ явился наконецъ. Но у него кружилась голова, ноги его дрожали: эшопъ водопадъ внизу, и сверху блестящее солнце! Наконецъ, онъ надѣлъ на меня пеплю, шолкнулъ въ пропасть. . . и хотѣлъ придавить своею подлою ногою мои плеча. Но эши плеча крѣпки и сильны; человѣческая нога, не оставишь на нихъ слѣда своего. . . Нога палача моего скользнула, . . онъ рухнулся, но ухватился за края висѣлицы, и повисъ на рукахъ. . . Пошомъ, одна изъ рукъ его ослабѣла. . . а

черезъ минушу послѣ, онъ полешѣлъ въ пропасшъ, и волны поглотили его.

Эпопъ веселый разсказъ о восхищительной висѣлицѣ, и смерщи, заняли меня чрезвычайно; я никакъ не воображалъ прежде, что висѣлица можешъ бышь пріятнымъ предметомъ, и возбуждашъ веселыя воспомина- нія; никогда не слыжалъ я, чшобъ описывали смершь такими красками; напрошивъ, каждый разрабошываешъ эпопъ изобильный ощущеніями родникъ, спараясь какъ можно болѣе, омрачишь кар- щину, окровавишь сцену. . .

Какъ будто, между нами, смершная казнь, не обще-приняшое дѣйствіе, не подашь, посшоянно уплачиваемая? Такъ смопрѣль на нее Ишальянской разбойникъ. Онъ зналь, что висѣлица есть прошиводѣйствіе его ремесла, и былъ слишкомъ справедливъ въ душѣ своей, чшобъ ропшашь на наказаніе. . Мнѣ хошѣлось узнатьь однако, что съ нимъ сдѣлалось послѣ — онъ исполниль мою просьбу, и продолжалъ свой разсказъ.

— Я очень хорошо помню малѣйшее ощущение, сказалъ онъ, и гошовъ, хоть черезъ часъ, испышашь шоже. Лишь-

шолько упаль я съ висѣлицы, шопчасъ почувсшвоваль сильную боль въ горль, попомъ я ничего нечувсшвоваль; воздухъ медленно пробирался въ мои легкія, но малѣйшія частицы этого благодѣшельнаго воздуха, возвращали мнѣ бышіе, къ шому жъ, качаясь легонько среди воздуха, я вбираль его всѣми порами. . Я даже помню, что это качанье, имѣло свою прелесть. Я различаль предметы, какъ будшо сквозь тонкую шкань. . Совершенная тишина удручала мой слухъ. . Я о чемъ то думаль, незнаю шеперь о чемъ именно, а кажешся о деньгахъ, выйгранныхъ на-

канунъ, у моего товарища Грегорио. Вдругъ, воздуха не стало, я ничего немогъ видѣть, не ощущалъ уже качанья — я умеръ.

— Однако, сказалъ я, вошь вы, слава Богу живы и здоровы, съ чѣмъ сердечно поздравляю васъ.

— Это величайшее чудо, опивчалъ съ важносцію разбойникъ. Уже болѣе часа былъ я мершвъ, и товарищъ, снялъ меня съ висѣлицы; опамяшываюсь . . . и глаза мои, встрѣпили благодатный взоръ женщины. . . Наклонившись надо мною, она возвращала мнѣ душу: душу чишѣйшую, и сильнѣйшую

прежней. . . Ипальянской голь, Ипальянская прелесшь Ипальянской языкъ, всѣ совершенства молодой Ипальянской дѣвушки, были соединены въ моей избавительницѣ. Я вдругъ подумалъ, что изхожу изъ гроба, и Рафаэлева Мадонна, принимаетъ меня въ свои объятія. Вотъ сударь исторія моей разбойнической жизни. Я общалъ юной Маріѣ сдѣлаться честнымъ человѣкомъ, если это возможно, и надѣюсь исполнить эшошь обѣщъ изъ любви къ ней. Я уже досталъ самое трудное для честнаго человѣка между вами: порядочное плашье, и новую шляпу.

— Сверхъ этого, надобно еще какое нибудь ремесло, прибавилъ я — а мнѣ сдается, что вы не знаете никакого.

— Объ этомъ, всегда твердятъ мнѣ, одно и то же, возразилъ онъ, хотя, какъ я самъ вижу, ремесла у васъ ни къ чему неведущъ.

— А въ Италіи? Надѣетесь ли вы быть счастливые?

— Въ Италіи, земля производитъ каждое упростио шампиніоновъ, что еслибъ Римъ, былъ еще въ сорокъ разъ населеніе, и тогда доставало бы ихъ на всѣхъ. А у васъ за все плаши, даже за грибы, и еще ядовитые.

— А ремесло Лазароновъ ? счищаете ли вы его честнымъ ?

— Безъ сомнѣнiя, самымъ честнымъ. — Лазарони , ни господинъ , ни слуга , зависишь только отъ одного себя , работаешь только въ крайности ; а покуда есть солнце нѣтъ крайности ; наконецъ , онъ можешь ежедневно видѣшь Папу , а эшо равняется двадцати индулгенціямъ на недѣлю

— Такъ для чего же , вы , невспутили въ ихъ общесство ?

— Я было и рѣшился — Марія , сама , просила меня о помъ , но я очень боюсь изверженiй Везувiя .

Мы вошли въ Парижъ.

Входите въ Парижъ, черезъ заставу Von Larin, очень пріятно. Вы проходите поля, потомъ обширную равнину, на которой каждое утро учишься конница; входите въ узкую аллею, оставляете въ лѣвъ *Большую Хижину*, и окружающіе её шинки, и вдругъ — видите передъ собою Люксанбургъ, пріятное и тихое убѣжище, нарочно устроенное для элихъ опдаленныхъ кваршаловъ. Мой Ишальянецъ безпрестанно обращался ко мнѣ съ вопросами, дивился, шо на женщинъ шолпившихся въ саду, шо на молодыхъ Перовъ, ѣхав-

шихъ законодательствовашъ; все изумляло его, и огромный Оперный домъ, и жалкая Сорбонна, и великолѣпные дома изъ просшого камня, безъ ираморныхъ спашуй; Лазарони, работающіе какъ колодники, другаго рода Лазарони поющіе на улицахъ фальшивымъ голосомъ, акомпанируя себъ инструментомъ еще фальшивѣйшимъ; эстампы прибитые на дверяхъ спекольщиковъ; грубые горшки, ни одного аншика; узкіе улицы, заразительный воздухъ, молодыя дѣвушки въ ужасной бѣдности, продавцы ядовъ на каждомъ перекресткѣ, и ни одной Мадон-

ны. . . Разбойникъ разшерялся. . . Какимъ же ремесломъ заняшься здѣсь? сказалъ онъ мнѣ, съ видимымъ безпокойствомъ.

— Скажите прежде, чѣму вы учены, спросилъ я его.

— Ничѣму, сказалъ онъ мнѣ; только я могу быть лучшимъ музыкантомъ, и лучшимъ живописцемъ чѣмъ ваши; я могу исправнѣе караулить дома, чѣмъ шѣ, копорыхъ я видѣлъ шеперь; что же касаешься до вашихъ купцовъ торгующихъ ядомъ, прибавилъ онъ, выразительно улыбувшись — вошь кинжалъ, копорый вѣрнѣе всѣхъ порошокъ. . . .

— Искренно жалѣю васъ, если вы не имѣете какихъ нибудь другихъ средствъ; у насъ, на рукахъ, пятнадцатъ тысячъ живописцевъ, тридцатъ тысячъ музыкантовъ, и Богъ знаетъ сколько поэтовъ, которые не совсѣмъ то понимающъ свое дѣло, — а кинжалъ, совѣшую вамъ оставишь въ покоѣ, если не хошите бышь повѣшены на веревкѣ, которая уже никогда не оборвется.

— Однакожь, безъ хвастовства сказаць, я пою очень недурно. Въ Венеціи, знатнѣйшіе люди, поручали мнѣ устраивать Серенады; и я, шакъ хорошо успѣвалъ

въ помѣ, что не разъ, получаль для себя то, о чемъ хлопоталь за другаго.

— У насъ, глупо было бы занимашься Серенадами. Во Франціи, только одно средство покоряеть женщинъ: подарки! Ни какія цѣсни на свѣпъ не помогутъ; самъ Мешаспазій, былъ бы немилосердо осмѣянъ, еслибъ захопѣль прельщашь, унылыми звуками гитары и пѣснями. —

— Въ шакомъ случаѣ, прерваль меня молодой человекъ, поднявъ голову, я явлюсь къ Королю, и предложу ему себя, на службу его; онъ увидишь, какъ я обращаюсь съ карабиномъ и командую,

и, если онъ приметъ меня, я обязуюсь сходясь на часахъ, въ сильнѣйшій зной, безъ зонтика, какъ самый смѣлый разбойникъ.

— Узнайше, что съ Французскимъ Королемъ не говорять. Объ искусствѣ вашемъ владѣньи карабиномъ, полковашъ нечего, пошому что здѣсь, двѣсши тысячъ чело-вѣкъ за пяшь кофѣекъ въ день, не хуже васъ умѣюшь его употребляшь; наконецъ, надобно вамъ сказашь, что шолько однимъ Швейцарамъ предосшавлено право охра-няшь Короля и, со времени Лиги, не думающъ о Ишальянцахъ.

— О презрѣнная нація! сказалъ разбойникъ, нахмуривъ брови; не содержашь даже ни одной разбойнической шайки! — О! еслибы вы имѣли честь пользоваться, хотя одною шайкою, сего дня вечеромъ, ~~они~~ ~~правился~~ бы я шуда спряпашь, и вѣрно ~~оспашись бы мною~~ довольны.

— Спряпашь? сказалъ я; а какое кушенье если смѣю спросить? —

— Такое, клянусь Богомъ, какого вѣрно никто изъ людей со вкусомъ не опорочитъ. . . Именно: жареное съ перцомъ. Въ Террачинѣ, я славился, умѣньемъ приготавливать зайцевъ и угрей. .

Эшо подшвердишь самъ Кардиналь Фешъ. Дай Богъ ему здоровье! чшобъ изгошовишь для него ужинъ , за мною нарочно присылали въ лѣсъ ; онъ клялся послѣ , что даже въ собсшвенномъ дворцѣ своемъ, никогда ни кушалъ, ничего лучше пригошовленнаго.

Съ важнымъ и поржешвеннымъ лицомъ, приблизилъ я къ Ишальянцу , и сказалъ ему: Поздравляю васъ. вы спасены ! Какъ искусный поваръ , вы здѣсь гораздо лучше будете приняшы, чѣмъ славнѣйшій Генераль , и теперь, опъ васъ однихъ зависишь, сдѣлашься чѣмъ угодно, пошому чшо мы живемъ въ

золотомъ вѣкъ свободы. И шакъ, — спупайше смѣло, и гордо войдите въ первый домъ, копорый вамъ пригла- нешся. . Скажите: *Я поваръ!* докажете эшо на дѣлѣ, — и вы, на верху почестей! Раз- бойникъ поблагодарилъ меня дружескимъ поклономъ, и я съ нимъ разсшался, увѣрен- ный въ его счасшіи.

Конецъ первой Части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Первой Части.

	Стран.
ГЛАВА 1. Травля - - - -	3
ГЛАВА 2. Таверна - - - -	17
ГЛАВА 3. Системы - - - -	32
ГЛАВА 4. Выставка мершвыхъ шѣль - - - -	56
ГЛАВА 5. Гальванизмъ - - - -	75
ГЛАВА 6. Богомолка - - - -	82
ГЛАВА 7. Добродѣшель - - - -	96
ГЛАВА 8. Разсужденіе о прав- спненномъ безо- бразіи - - - -	110
ГЛАВА 9. Опись имѣніа - - - -	117
ГЛАВА 10. Женни - - - -	130
ГЛАВА 11. Натурщикъ - - - -	138
ГЛАВА 12. Отець и мать - - - -	144
ГЛАВА 13. Воспоминанія ви- сѣльника - - - -	154

